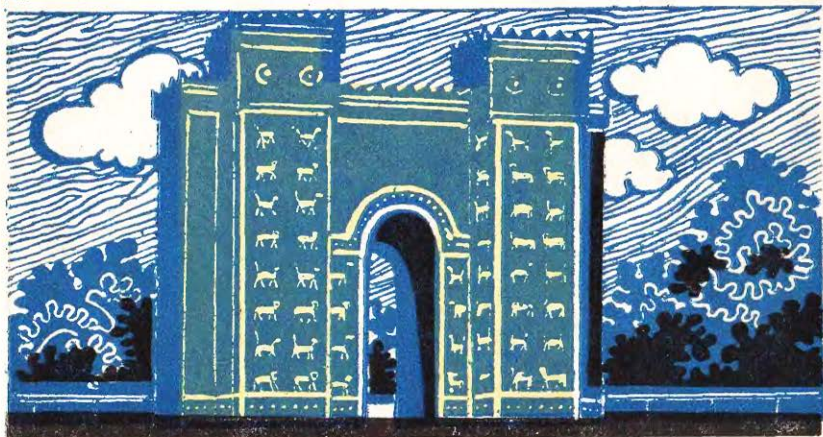

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

А.Н.Матюшин

МЕЖДУ ТИГРОМ И ЕВФРАТОМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.Н.Матюшин
⊙
**МЕЖДУ
ТИГРОМ
И ЕВФРАТОМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. В. Малаховский (председатель), *А. Б. Давидсон*,
Н. Б. Зубков, *Г. Г. Котовский*, *Н. А. Симония*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Л. Н. Львов

ФОТОГРАФИИ АВТОРА

Матюшин А. Н.

М 35 Между Тигром и Евфратом. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

119 с. с ил. («Путешествия по странам Востока»).

Книга, написанная бывшим корреспондентом ТАСС в Ираке, содержит описания старого и нового Багдада, обычаев озерных арабов и иракских курдов, рассказывает о жизни и культуре современного Ирака.

М 20901-088 140-75
013 (02)-75

91 (И5)

СТАРЫЙ И НОВЫЙ БАГДАД

Не будет преувеличением сказать, что территория Ирака является творением двух крупнейших рек Ближнего Востока: Тигра и Евфрата. С этими водными артериями теснейшим образом связана история страны, на них (либо на их притоках) возникли все большие города Ирака. Древние греки называли данный район Месопотамией — «Двуречьем» или «Страной между двух рек». Нынешнее название имеет тот же смысл: слово «ирак» в переводе с арабского означает «земли, расположенные по берегам».

Самый красивый вид на Багдад открывается, пожалуй, с середины моста ал-Джумхурия, пересекающего Тигр. В желтоватых водах, над которыми без устали кружатся чайки, отражаются рыбацьи лодки, слегка размытые контуры зданий, разноцветная мозаика мечетей, зелень пальм и голубизна неба.

Багдад принадлежит к весьма древним городам мира: несколько лет назад он отметил свое 1200-летие. Его основатель Абу Джафар ал-Мансур, второй халиф из династии Аббасидов, место для столицы своего государства выбирал долго и обстоятельно. В конце концов ее начали строить на западном берегу Тигра — там, где он ближе всего подходит к Евфрату и где в еще более древние времена был прорыт канал Сурат, соединивший обе реки. Широко разветвленная ирригационная система, созданная в свое время вавилонскими рабами, снабжала водой окрестные поля, на которых выращивались богатые урожаи.

Очевидно, ал-Мансур принял в расчет и то, что здесь издавна перекрещивались пути, связывавшие Европу с Индией и Египет с Китаем. Этот район не впервые выбирался правителями государств Месопотамии для столиц:

от Багдада до руин Вавилона насчитывается лишь 90 километров, а до развалин Ктесифона, главного города некогда могущественного персидского царства Сасанидов, и того меньше — 35 километров.

По преданию, Багдад строился в соответствии с заранее составленным «генеральным планом». Был расчищен огромный участок, для чего потребовалось снести 60 деревьев, и на нем в определенном порядке разложены кирпичи пропитанного нефтью хлопка. Оставшийся после его сожжения пепел обозначил контуры крепостных стен, улиц и площадей будущей столицы.

Во все районы халифата гонцы доставили именные указы ал-Мансура, повелевавшего выслать землекопов, плотников, самых искусных резчиков по камню и дереву, ремесленников других профессий. И потянулись бесчисленные караваны со строительными материалами, стеклом, изразцами, коврами и шелком. Из Дамаска и Куфы были привезены порталы нескольких дворцов, свою «лепту» внесли и другие города государства.

В 762 году Абу Джафар ал-Мансур торжественно заложил первый кирпич в стены новой столицы, за которой сохранилось название небольшой персидской деревушки, ничем до той поры не примечательной. Через несколько лет основные работы были закончены, и вскоре слух о грандиозности и великолепии Багдада распространился в соседних странах. В Багдад стали стекаться ученые и поэты, искатели приключений, ловцы удачи, любители наживы, рабочий люд.

Приближавшиеся к городу путники уже издали могли видеть зеленый купол халифского дворца, поднимавшийся на 43 метра над землей, и изображение всадника с копьём, который, как говорили, поворачивался всякий раз в ту сторону, откуда угрожала опасность.

Четыре входа в крепость преграждались массивными воротами, настолько тяжелыми, что утром их открывала, а вечером закрывала целая рота солдат. Эти ворота некогда украшали город Васит, расположенный к югу от Багдада между Тигром и Евфратом (в районе современного городка Кут эль-Хай). Стена тридцатиметровой высоты, сложенная из кубических кирпичей (причем каждый весил около 90 килограммов), служила первым внешним кольцом укреплений; диаметр его составлял 2500 метров. Между вторым и третьим кольцами стен

В старом районе столицы

размещалась охрана. И только за третьим находилась резиденция самого халифа, получившая название «Дворец золотых ворот» (позолоченные ворота тоже были вывезены из Васита), и главная мечеть. Строительство столицы, по подсчетам историков, обошлось в 9 миллионов динаров.

При внуке ал-Мансура, Харуне ар-Рашиде, герое сказок «Тысяча и одна ночь», Багдад переживал пору расцвета. Он превратился в крупнейший торговый центр, связанный со многими странами мира. Вдоль причалов, протянувшихся на десятки километров, стояли сотни судов, регулярно доставлявших на местные базары фарфор и шелк из Китая, пряности и краски из Индии и с островов Малайского архипелага, меха, воск и белых рабов из северных стран, драгоценные породы дерева, слоновую кость, золото и черных рабов из Африки.

Историографы халифа не жалели красок, описывая блеск, роскошь и богатство двора. Во дворце, где устраивались приемы иностранных гостей и давались пиры для знати, длившиеся порой несколько дней, насчитывалось 22 тысячи ковров и 38 тысяч покрывал и гобеленов. В празднествах в честь посла Византии приняли участие 160 тысяч кавалеристов и пехотинцев, тысяча дрессированных львов. На свадьбе Мамуна, сына Харуна ар-Рашида, новобрачных осыпали тысячью уникальных жемчужин, а особ «благородной крови» одарили поместьями и рабами.

К тому времени город уже вышел за пределы крепостных стен и перешагнул на другой берег Тигра. Здесь возник район Русафа со своими базарами, казармами, каменными жилыми домами для имущих и глинобитными хижинами для бедняков. В них ютились те, кто тачал обувь, шил одежду, ткал ковры, чеканил посуду, строил дворцы. Поэты, не причисленные ко двору, сравнивали положение бедняка в Багдаде, где, по их словам, только богатство, подобно ключу, открывало все двери, с участью Корана в жилище безбожника.

Дань и поборы, взимаемые с покоренных народов, были не единственными источниками, из которых черпались средства на содержание двора. Приближенные к нему историки соперничали друг с другом в стремлении изобразить Харуна ар-Рашида мудрым, щедрым, справедливым и добрым правителем. Однако «блистательный халиф» не

Одна из многочисленных мечетей
Багдада

поколебался предать жестокой казни сына своего воспитателя и первого визиря, друга детства и молочного брата — Джафара Бармекида. Все члены его семьи скончались в тюрьме, а Джафара четвертовали, и части его тела выставили на всеобщее обозрение в разных районах Багдада. Казну же за счет Бармекидов удалось пополнить 36 миллионами динаров.

Харун ар-Рашид широко покровительствовал наукам и искусству. В годы его правления Багдад избрали местом своего проживания многие философы, поэты, астрономы, математики, врачи. Имя известного из поэтов, Абу-Нуваса, носит сейчас набережная столицы. В городе была собрана одна из лучших на Востоке библиотек, где

хранились редчайшие манускрипты. Вместе с тем этому же халифу принадлежит сомнительная слава создания сети штатных доносчиков, лично ему докладывавших о том, что говорилось во дворцах и на базарах. От рук палача, постоянно сопровождавшего государя, погибло немало людей, осмелившихся усомниться в великодушии и справедливости последнего.

Тогда же была учреждена полиция, а Багдад поделен на районы, которые возглавлялись мухтасибами — чиновниками с широкими полномочиями, творившими суд и расправу. Власть их не распространялась на гаремы.

«Блистательный халиф» узаконил дискриминацию. Те, кто не исповедовал ислам, должны были под страхом сурового наказания носить на своей одежде особые знаки, инаковерующим не разрешалось строить дома, превосходившие высотой дома мусульман. Обязанность следить за выполнением данных предписаний также возлагалась на мухтасибов.

После смерти Харуна ар-Рашида между сыновьями правителя началась война за престол. Сменявшие друг друга на троне халифы нередко становились жертвами дворцовых интриг, погибали от яда или кинжала. В стране все чаще вспыхивали восстания крестьян, ремесленников и рабов, охватывавшие подчас целые провинции.

К концу X столетия от обширнейшего государства Аббасидов отпали Египет, Марокко, Тунис, Восточный и Западный Иран. В 1055 году столица после длительной осады была захвачена турками-сельджуками. Спустя два века ее разрушили и сожгли монголы. По свидетельству летописцев, место, где находился город, покрылось черным пеплом, а Тигр на огромном протяжении стал белым от рукописей из разграбленных библиотек.

Затем Багдад побывал в руках предводителей полчищ Тамерлана, персидских полководцев, турецкого султана Сулеймана Великолепного. В начале XVI в. в результате ожесточенных войн между Турцией и Ираком город оказался захваченным Османской империей. Турецкое господство продолжалось здесь около 400 лет, и в течение всего этого времени на территории Ирака не прекращались военные действия между персидскими и турецкими правителями. После первой мировой войны в страну вступили английские войска.

Время, разливы Тигра, а главное — постоянные набе-

ги завоевателей, не раз уничтожавших целые кварталы столицы, неузнаваемо меняли ее вид и очертания. Сейчас уже невозможно установить, где первоначально проходили ее границы на западном берегу Тигра. Наиболее древние памятники, в частности центральные ворота крепости, относящиеся к первой четверти XI века, сохранились преимущественно в районе Русафа.

Между улицей, названной в честь Харуна ар-Рашида, и берегом реки раскинулся багдадский базар (араб. — «сук»), по-восточному шумный, красочный, яркий. В его лабиринтах, образованных бесконечными закоулками, переходами и тупиками, с утра до вечера толпятся покупатели. Когда-то сук был не только местом торговли, но и своеобразным «клубом», здесь встречались с друзьями и знакомыми, обменивались впечатлениями, узнавали и обсуждали новости. По издавна сложившейся традиции торговля на базаре «специализирована»: на сук ал-базазин продают ткани, на сук ал-ахзия — обувь, а на сук ал-либас — готовое платье.

Грохот огромных деревянных молотов, сминающих куски оцинкованного железа, и звонкий перестук молоточков, выбивающих затейливые узоры на листах меди, пронзительный визг распиливаемого металла и вздохи кожаных мехов, раздувающих горны, крики торговцев и гомон покупателей обрушиваются на посетителей сук ас-сафафир — медного базара. Этот непрекращающийся, вечно царящий тут шум упоминается даже в пословицах и поговорках: в одной из них говорится, например, о «гласе вопиющего на сук ас-сафафир». Багдадцы при случае не преминут рассказать легенду о любви бедного юноши к девушке из богатой семьи, глава которой соглашался на брак лишь при условии, что молодой человек «перекричит» шум базара. Влюбленный, несмотря на отчаянные попытки, так и не смог выполнить это условие, и свадьба не состоялась.

Во времена Харуна ар-Рашида, который, кстати, как повествуют предания, любил посещать сук ас-сафафир, переодевшись в платье купца или простолюдина, на багдадском базаре работало более трехсот крупных мастеровских, объединенных в своего рода гильдию с определенными правилами, законами и традициями. Они изготовляли оружие, боевые доспехи, металлические поделки для дворцов, мечетей и жилых домов, котлы и кофейни-

На сук ас-сафафир

ки, блюда и подносы, различные украшения. Водопровода тогда, естественно, не было, и воду из Тигра горожане носили кувшинами, изготовленными на столичном базаре. Грაციозная девушка с кувшином воспета в бесчисленных арабских песнях, стихах, поэмах, образ ее многократно воспроизводился в народных танцах. Сейчас магазины заполнены штампованной на фабриках посудой из металла и пластмассы и бывшее значение медного базара как производителя готовых изделий утрачено: его продукция пользуется спросом в основном у любителей экзотики и туристов.

В отведенном сук ас-сафафиру ряду (не более 150 метров) остро пахнет гарью и раскаленной окалиной. Из кузниц выползают и поднимаются в небо клубы синевато-белого дыма. Сквозь раскрытые настежь двери видно, как кузнец выхватывает из горна клещами и кладет на наковальню светло-оранжевый кусок металла. Постепенно

он приобретает темно-вишневый цвет, превращаясь под точными ударами мастера в готовое изделие.

Сидящие по-турецки медники деревянными молотами выколачивают из листов меди огромные казаны и складывают их у стен мастерской. На полированных поверхностях остро вспыхивают солнечные зайчики. Здесь работают жестянщики, выкраивающие огромными ножницами из оцинкованного железа трубы, тазы и корыта. Многие мастерские, существовавшие не одну сотню лет, закрылись, и на их месте обосновались лавочки, торгующие фабричными товарами.

В магазинчике декоративных изделий на полках вдоль стен выстроились «далля» — кофейники с большими, начинающимися от самого доньшка носиками, «лампы Аладдина» в форме лодки, к корме которой приделана ручка, бронзовые блюда с нанесенными на них изречениями из Корана или изображениями неведомых птиц и животных, статуэтки и пепельницы. С потолка на цепочках свисают ажурные светильники, в которые вставлены патроны для электрических лампочек.

Хозяин магазинчика включает свет и спешит показать «товар лицом», поднося изделие поближе и горячо расхваливая его качество. Как принято на восточных базарах, сначала заламывается максимальная цена, затем она снижается раза в два к взаимному удовлетворению покупателя и продавца: первый считает, что дешево купил нужную ему вещь, второй — что выгодно сбыл ее.

Безлюдным сук ас-сафафир бывает только в пятницу — нерабочий день по мусульманскому календарю. Иногда двери мастерских закрываются и в обычные дни недели. Это происходит, когда умирает кто-либо из наиболее уважаемых ремесленников или торговцев.

Сегодняшний Багдад — это не только город мечетей, остатков старины и базаров. В столице Иракской Республики, крупном культурном, политическом и экономическом центре, в котором сконцентрировано более половины промышленных предприятий страны, древние памятники непосредственно соседствуют с современными зданиями и сооружениями. Новое неумолимо вторгается в жизнь, кардинально меняя внешний и внутренний облик города. На улице ал-Джумхурия, неподалеку от минарета ал-Газаль, составлявшего когда-то часть ныне разрушенной мечети халифов, высится построенное в сти-

На улице столицы

ле модерн здание счетно-вычислительного центра. Самой улице всего несколько лет, ее пробили напрямую сквозь старые кварталы. Кое-где в промежутках между воздвигаемыми корпусами еще виднеются половинки разрезанных бульдозерами домов.

На левом берегу Тигра, где мост ал-Джумхурия упирается в площадь ат-Тахрир, установлен монумент в честь революции 14 июля 1958 года, избавившей Ирак от монархического режима. Этот день считается национальным праздником страны. Монумент, выполненный по проекту скульптора Селима Джавада, — высоко поднятая большая каменная плита с рельефными бронзовыми фигурами — символизирует борьбу иракского народа за независимость.

К той же площади сходятся улица ар-Рашид и широкий проспект Саадун, почти сплошь застроенный шикарными магазинами, гостиницами, кинотеатрами с кондиционерами, офисами — банками и представительствами авиакомпаний многих государств, в том числе и Аэрофлота. Ниже по течению высится здание из бетона и стекла — Иракское информационное агентство, а рядом с ним — лучшая гостиница столицы «Багдад».

На правом берегу разместились красно-белая вышка багдадской станции радио и телевидения — первой на Арабском Востоке, темно-алое здание министерства планирования и светлое — Национального собрания, а также живописные виллы.

На окраинах все разрастающейся столицы уже возведено и продолжает возводиться много новых жилых домов и предприятий. Труднее решить проблему перестройки центра города, хотя машины просто «задыхаются» там. В тесных переулках средневековых кварталов, в которых полутемно даже в безоблачные дни, возможен лишь единственный вид «транспорта» — собственные ноги. Планируется «прорубить» новый проспект со стоянками для автомашин параллельно улице ар-Рашид.

Разработаны два проекта реконструкции Багдада, один предполагается осуществить через 10 лет, другой через 25. Но здесь помимо сложностей чисто технического порядка, неизбежных при перестройке любого древнего города, возникают еще и помехи психологического характера, связанные с религиозными представлениями жителей. На той же перенаселенной ар-Рашид сохранилась

Набережная Тигра

часть фасада здания с наглухо закрытой дверью. По преданию, на этом месте находилась могила одного из мусульманских святых. Когда сносили строение, рабочий печально наступил на оголенный электрический кабель. Разумеется, его смерть объяснили карой небесной. Верующие заботливо подкрашивают дверь хной, приносят к ней дары. Пространство за дверью пустует уже несколько лет...

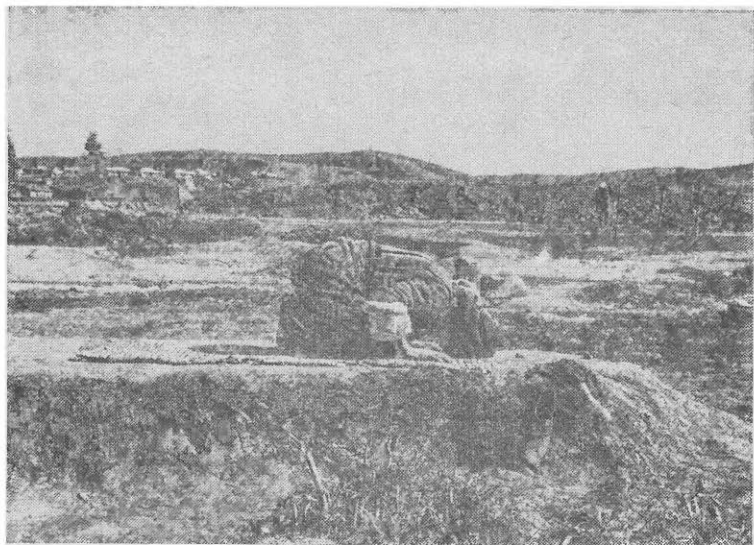
В часы пик много работы у подтянутых, щеголеватых полицейских в форме с аксельбантами, с белым поясом, на котором держится кобура, прикрывающая внушительный многозарядный пистолет, в фуражке с белым клеенчатым верхом. Они регулируют потоки автомобилей самых различных марок (среди них немало наших «Волг» и «Москвичей»), почти вытеснивших более древние ви-

Строительство новых зданий

ды транспорта. Впрочем, и сейчас над лакированными «шевроле» и «фордами» можно увидеть покрытую клочковатой шерстью голову верблюда, сохраняющего невозмутимое спокойствие в сутолоке уличного движения. Навьюченным тяжелой поклажей мулам такое спокойствие уже не дается: они испуганно косятся на проносящиеся автомашины и мотоциклы. Попадаются изредка прославленные арабские скакуны, запряженные в старомодные, порядком потрепанные шарабаны.

На внешнем облике столичных жителей отчетливо сказывается влияние ислама — официальной религии страны. Многие женщины с головы до пят закутаны в черное покрывало «абайю». Европейское платье чаще всего бывает тоже черного цвета. В таких «священных»

Правоверный мусульманин

для иракцев городах, как Куфа, Эн-Неджеф, Кербела, женщина и сейчас не рискнет появиться на людях в европейской одежде: ее оплюют и изобьют. Мини-юбки запрещены; властями объявлено, что длина платья государственных служащих должна быть на сантиметр ниже колена. Наиболее «отчаянным» девушкам, нарушившим это предписание, полицейские мазали ноги краской. Однако мода оказалась сильнее всяких циркуляров (особенно в центральных районах столицы).

Мужчины обычно предпочитают смешанную одежду: например, европейский костюм, преимущественно темных тонов, и национальный головной убор — черно-белый платок «куфию», перехваченный шерстяным жгутом «укалем», или длинная, до щиколоток, рубаша «дишдаш» и поверх нее пиджак. Курды (народ, населяющий север Ирака) носят широкие шаровары, подпоясанные матерчатым кушаком, и затейливо накрученные чалмы.

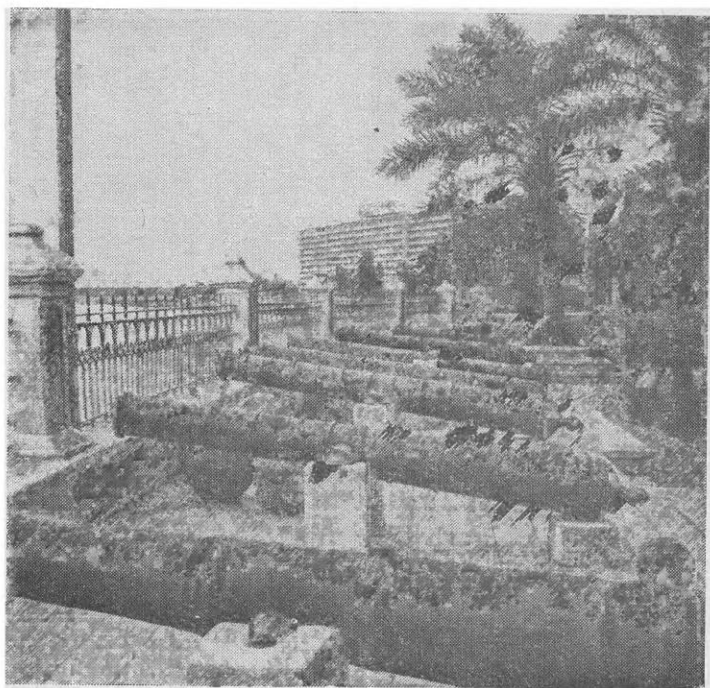
По чалмам и четкам в руках нетрудно узнать служителей культа. Впрочем, четки есть и у лиц не духовного звания: правоверный мусульманин должен молиться пять

Готовится гас

раз в день. О времени совершения намаза напоминает протяжный напев муэдзинов, разносящийся по всему Багдаду из мощных динамиков, которые установлены на минаретах. При этом вовсе не обязательно заходить в мечеть. Как только раздается призыв к намазу, многие, найдя свободное место на улице, площади, в скверике, опускаются на колени, снимают обувь и начинают отбивать поклоны в сторону Мекки, города в Саудовской Аравии, где находится святыня мусульман — камень Кааба.

Вечерами, когда спадает изнуряющая летняя жара, становится людно в кафе, закусочных, ресторанчиках. Некоторые из них украшают начищенные до ослепительного блеска тульские самовары (за ними здесь сохранилось русское название). Посетители играют в нарды и другие игры, степенно ведут нескончаемые разговоры или просто посасывают кальян — курительный прибор, в котором табачный дым, прежде чем попадает в рот, пропускается через воду и таким образом очищается. Перед ними исходит паром приторно-сладкий чай, разлитый по стаканчикам, похожим на лампадки, или крепчайший кофе. Его

Трофейные пушки в военном музее

варят в специальных медных сосудах с длинной ручкой («джезва») — засыпают размолотые зерна вместе с сахарной пудрой, заливают холодной водой и держат на огне до образования пены, но не доводят до кипения. Пропорция кофе, сахара и воды остается профессиональной тайной кофевара. Если, выпив крошечную чашечку кофе, посетитель ставит ее на стол, хозяин немедленно наполняет ее снова. Если же гость приподнимает чашку и покачивает ее из стороны в сторону, значит, кофе больше не требуется.

Прямо в витринах подрумяниваются и истекают жиром над пламенем газовых горелок тушки кур. Рядом повар огромным ножом срезает с вертела поджарившиеся куски баранины, к которой в качестве гарнира подаются остромаринованная капуста, редька, свекла и огур-

цы, — так готовится «гас». На набережной посетители ресторанчиков неспешно выбирают плавающую в больших чанах рыбу. Ее здесь же разделявают и запекают на колышках у костра. Это блюдо называется «мазгуф».

В сезон багдадцы лакомятся арбузами. Тарелочки с пунцовой мякотью, очищенной от корок и охлажденной, устанавливаются на лотке. К ним прилагается небольшая вилка. Особым спросом в жаркое время года пользуются прохладительные напитки. Бутылки с пивом плавают в деревянных, оцинкованных изнутри ящиках. В стеклянных бочонках пенится шербет и тонко позванивают льдинки. Можно заказать и сок; продавец с соковыжималкой и свежими фруктами готовит его на глазах у покупателя.

Ежегодно в Ираке, как и в других исламских странах, соблюдается пост — рамадан. Лунный месяц короче солнечного — 29 или 30 дней, и потому начало рамадана приходится на разные даты астрономического года. Весь лунный месяц, тоже носящий название «рамадан», правоверные мусульмане с восхода и до захода солнца, т. е. до темноты (котсрая, по традиции, считается наступившей, когда нельзя отличить друг от друга протянутые рядом палочки белого и черного цвета), не едят, не пьют и не курят. Исключение допускается только для больных и путешествующих. Соблюдение поста наряду с ежедневной пятикратной молитвой, паломничеством в священные города Мекку и Медину, пожертвованием в пользу бедных и признанием единого бога («Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха») составляют пять корней исламского вероучения.

В дневные часы пустеют витрины закусочных и ресторанов, полки со спиртными напитками в магазинах целомудренно затягиваются материей, дабы видом своим не вводить в искушение. Непривычно безлюдны многочисленные кафе, где багдадцы так любят посидеть за стаканом холодной воды, ароматного чая или чашечкой кофе. Но вот в сумерках над городом прокатывается гул оружийного выстрела. И, как по мановению волшебной палочки, загораются огни витрин, распахиваются двери закусочных и ресторанчиков, в домах люди, торопливо прочитав молитву, спешат усестись за стол.

В далекие времена существовала должность «ал-му-сахира» — глашатая, барабанным боем будившего му-

сульман, дабы они не проспали и успели поестъ до восхода солнца. Иногда при этом речитативом произносились фразы, восхвалявшие Аллаха и мудрость его. В некоторых городах и районах страны было принято стрелять из ружей с минаретов, чтобы верующие не пропустили призыв муэдзина к утренней молитве. Сейчас религия не возражает против использования техники — залп пушки, возвещающий о наступлении темноты или рассвета в рамадан, можно увидеть и услышать по столичному телевидению.

НА РУИНАХ ДВУРЕЧЬЯ

От Багдада до Мосула, крупнейшего города на севере Ирака, по прямой около 400 километров. К нему ведет живописная дорога, выгодно отличающаяся от той, по которой направляешься на юг. Вместо скучных рыжеватых песков пустыни с белесоватыми проплешинами солончаков зеленеющие поля, вместо навевающего дремоту однообразного и ровного, словно прочерченного по линейке шоссе подъемы и спуски по холмам, иногда довольно крутым. Особенно красив путь на север весной. На огромном изумрудном ковре, по которому рассыпаны пунцовые дикие маки, кое-где виднеются желтоватые пятна. Это отары овец, охраняемые пастухом. Ему помогают присматривать за стадом расторопные мальчишки с длинными хворостинами в руках и огромные, устрашающего вида лохматые курдские овчарки, бросающиеся с исступленным до хрипа лаем на проходящие автомашины.

После пропыленных и душных багдадских улиц с их вечной сутолокой и бензиновой гарью чистый воздух и свежий ветерок, дующий с горных вершин хребта Джебел Синджар, особенно приятны. В Мосуле выпадает в два с половиной раза больше осадков, чем в столице. В весенние месяцы одетая в зеленый бархат холмистая степь, окаймляющая город, опьяняющий запах ранних цветов в парках и скверах, нежная зелень пригородных фисташковых садов, которые славятся на всю страну, делают его чрезвычайно привлекательным. Не менее красив он и осенью, являющейся как бы продолжением весны: та же прохлада, тот же горный воздух. Недаром влюбленные в свой город жители Мосула называют его «Умм ал-Рабийян» — «Город двух весен».

За долгий период своего существования он сменил несколько названий. В эпоху Сасанидов его называли Ардашир — по имени первого шаха из этой династии. В записях древнегреческого полководца Ксенофонта, датиро-

ванных 401 годом до нашей эры, он фигурирует как Месбил. По предположению ученых, название произошло от ассирийского слова «мишбалу», что означает «низина», «низкое место».

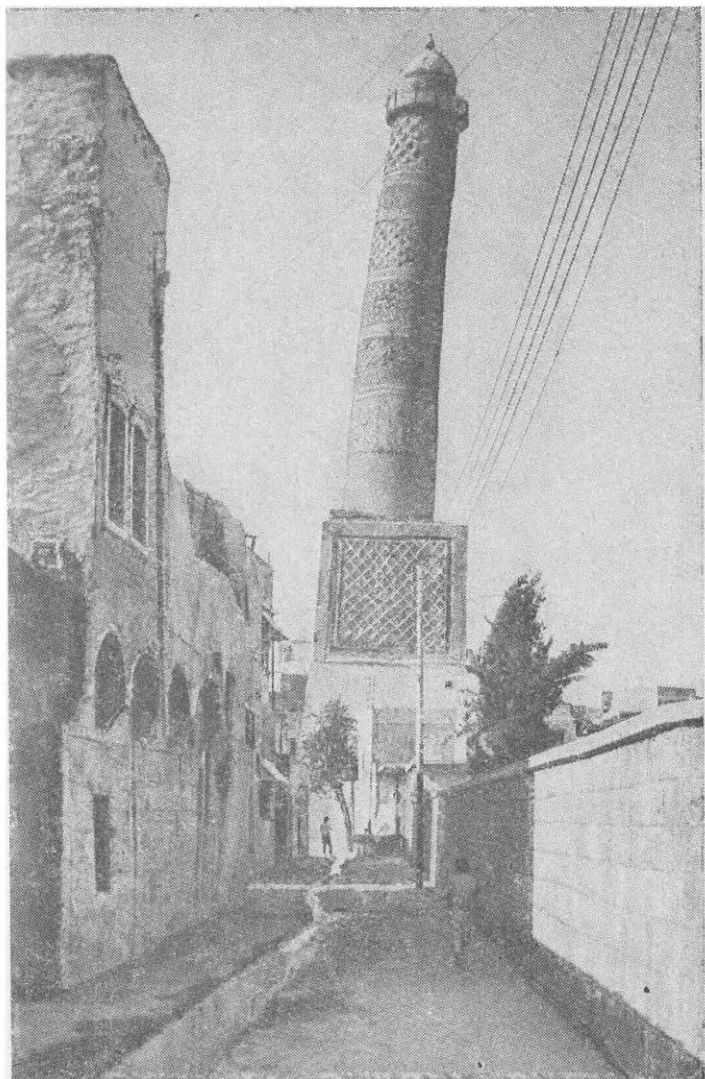
Самое раннее упоминание о Мосуле в арабских хрониках относится к 636 году. Там говорится, что он был захвачен арабами и превращен ими в крепость. В 1396 году он пал под натиском полчищ Тамерлана, не оставивших от него камня на камне. С начала XVI века и по 1918 год городом с некоторыми перерывами владела Османская империя.

Богатая событиями история Мосула наложила отпечаток на его облик и на внешний вид его жителей. Углубившиеся местами старых зданий заканчиваются башенками с амбразурами, из которых защитники домов-крепостей вели огонь по нападающим. На улицах города чаще, чем в других районах Ирака, встречаются женщины в чадре. В речи мосульцев нередко слышатся турецкие слова. На берегу Тигра сохранились развалины дворца сельджукского правителя (атабека) Бадра ад-Дина Лулу. На каменных арках воспроизведены человеческие фигуры, хотя в те времена ислам категорически запрещал изображать живые существа. Несмотря на полуденную жару, из проломов в обрушившихся сводах подземелий, где хранились оружие, боеприпасы и продовольствие, содержались рабы и пленные, веет прохладой.

Когда-то Мосул славился изделиями своих ремесленников. Именно здесь производился предмет зависти средневековых модниц — тончайший до прозрачности муслин, целые полотнища которого, как говорили, можно было протереть сквозь самое маленькое обручальное кольцо. Спросом пользовались также чеканка по металлу и керамика.

Достопримечательностью города является Наклонный минарет мечети аль-Кабир. С момента окончания строительства в 1172 году его верхняя часть на несколько метров отошла от вертикальной оси. Под воздействием солнца, ветра и осадков некогда красочные изразцы облицовки кое-где поблекли, это придает 52-метровому минарету еще большую экзотичность.

С остатков сложенных из массивных каменных блоков стен старой турецкой крепости на противоположном берегу Тигра видны холмы. Под ними на большой глубине

Наклонный минарет в Мосуле

погребены развалины Ниневии — третьей по счету и последней столицы Ассирии, одного из древнейших государств мира. Оно возникло в конце XXX века и существовало еще в VI веке до нашей эры. Вершины своего могущества Ассирия достигла в VIII—VII веках. Ее войска покорили Египет, Сирию и Иудею, разграбили Вавилон. Нанести им поражение смогли только объединенные силы Вавилона и Мидии, взявшие в 612 году до нашей эры Ниневию штурмом.

Археологические раскопки на территории бывшей Ассирии были предприняты в ноябре 1820 года резидентом Ост-Индской компании в Багдаде англичанином Клавдием Ричем. Его находки и заложили основу отдела ассириологии Британского музея в Лондоне. Особую ценность представляли глиняные таблички с клинописью — первые образцы ассирийской письменности. Однако тогда можно было только предполагать, что Ричу удалось обнаружить местонахождение одного из ассирийских городов: подлинных доказательств еще не было.

Изыскания в этом районе продолжил Поль Ботта, французский вице-консул в Мосуле. В марте 1843 года его рабочие наткнулись на верхнюю часть каменной стены. Ботта приказал продолжать раскопки ускоренными темпами. И через несколько дней они очутились в зале, судя по всему, большого дворца. Стены были украшены каменными барельефами, воспроизводившими сцены сражений и торжественных шествий. У Ботта не вызывало сомнений, что изображенный в профиль человек с завитой бородой и серьгами в форме креста, в коническом головном уборе не кто иной, как глава государства. Скульптору удалось передать властный взгляд, который, казалось, застыл на незваных пришельцах. Но какой именно правитель? Когда он жил и царствовал? Этого Ботта пока не знал, как не знал и того, что был первым европейцем, вступившим во владения древнего властителя. Тем не менее в Париж полетела депеша: «Ниневия найдена».

Позже стало известно, что дворец принадлежал Саргону II, сидевшему на ассирийском троне с 722 по 705 год до нашей эры, и что обнаруженные Ботта развалины — это остатки вовсе не Ниневии, а Дур Шаррукина — «Города Саргона». Таким образом, ученые остановились перед новой, очень трудной загадкой. Ведь, согласно преда-

ниям, хроникам, запискам путешественников, Ниневия была крупным городом — чтобы пересечь его из конца в конец, требовалось не менее трех суток пути — и должна была быть где-то в данном районе. Она не могла исчезнуть совсем.

Исследования археологов, лингвистов, географов, историков, продолжавшиеся не один год, позволили узнать многое, хотя далеко не все. Удалось установить, что Ниневия была расположена сразу же за чертой нынешнего Мосула, у слияния Тигра и речки Хосер, там, где сейчас раскинулся поселок Куюнджик. Развалины первой столицы Ашшур, названной, как и все государство, по имени бога Ассура, были найдены около селения Калат Шаркат, в 100 километрах от Ниневии. Недалеко от нее же находилась и вторая столица — Калах, известная еще как Нимруд. К северо-востоку от Ниневии на берегу Хосера стоял Дур Шаррукин, открытием которого ассириология обязана Ботта. В настоящее время неподалеку обоживался Хорсабад.

Ученые называли этот район «ассирийским треугольником». От составляющих его вершину развалин Дур Шаррукина до поместившихся в его основании руин Нимруда около 40 километров, а от Нимруда до холмов Ниневии приблизительно 35 километров. Пригороды трех населенных пунктов смыкались, переходили один в другой, и наименование «Ниневия», по мнению ученых, распространялось на всю территорию «треугольника». Этим и объясняются сообщения о больших размерах города.

Материалы об Ассирии сравнительно обширны и точны. Горные массивы в изобилии поставляли долговечный строительный камень. Из него сооружались крепости, дворцы, храмы, ваялись скульптуры, на нем высекались сообщения об особо памятных событиях. Камень и донес эти сведения до наших дней.

Барельефы с сопроводительными надписями, обелиски и плитки с клинописью поведали потомкам, что свои богатства воинственная Ассирия добывала преимущественно грабежом других стран. На стенах дворца в Дур Шаррукине запечатлен тот момент, когда Саргон II вместе со свитой рассматривает трофеи, доставленные из покоренного им государства Наири (Урарту) в 714 году до нашей эры.

Ученые смогли расшифровать текст под изображени-

ем: «Имуществом дворца Урзаны и Халди и многими, многими богатствами его, которые я похитил в Мусасири, я нагрузил мои многочисленные войска во всем обилии и заставил стащить в Ассирию.

Людей области Мусасири я причислил к людям Ассирии, повинность воинскую и строительную я наложил на них, как на ассирийцев. Услышал Урса (урартский царь Руса I. — *Авт.*) поник на землю, разодрал свои одежды, опустил руки, сорвал головную повязку, распустил волосы, прижал обе руки к сердцу, повалился на брюхо, его сердце остановилось, его печень горела, в устах его были горестные вопли; во всем Урарту я распространил рыдания, плач на вечные времена я устроил в Наири» (пер. И. М. Дьяконова).

Находки Рича и Ботта, лишь приподнявшие завесу, которая окружала тайну «ассирийского треугольника», возбудили интерес многих археологов, в том числе и никому не известного англичанина Остина Лэйарда, позднее виднейшего ассириолога. Поначалу его успехи были более чем скромными. В Ашшуре он нашел лишь несколько черепков битой глиняной посуды и обломки кирпичей с редкими клинописными знаками.

Лэйард не скрывал разочарования и решил возвратиться в Багдад. Плавное течение неспешно несло примитивную лодку из бараньих кож (келек), которую и сейчас еще можно изредка встретить в стране, и он рассеянно слушал рулевого-араба, рассказывавшего одну из многочисленных легенд о древних государствах, некогда существовавших в этом краю, и их правителях. За Мосулом, чуть выше того места, где Большой Заб впадает в Тигр, перед ними неожиданно возник водопад. Когда келек благополучно преодолел преграду, рулевой стал рассказывать новую легенду. Водопад, утверждал он, образован остатками дамбы, сооруженной каким-то неизвестным царем против своей столицы.

Сначала Лэйард не придавал значения этим словам, но потом припомнил, что подле водопада, на левом берегу реки, действительно возвышались холмы, хотя в целом район был равнинным. А что, если рассказ араба имел под собой реальные основания?

Случилось так, что ученый смог вернуться в эти края лишь спустя несколько лет, в 1845 году. На сей раз его ждала удача. В первый же день раскопок почти на по-

верхности земли он увидел стены зала, сложенные из массивных каменных плит высотой около 2,5 метра и шириной до 2 метров. Пол был вымощен плитами меньшего размера. Очищая помещения от камней и песка, Лэйард нашел обломки фигур из слоновой кости с остатками инкрустации из золота.

Это золото причинило ему немало неприятностей... В то время Ирак находился под властью Оттоманской империи. Лэйард получил фирман — разрешение на ведение раскопок — от центральных властей, но на месте он зависел от правителя Мосула Мохамеда и вынужден был считаться с его прихотями.

В последующие дни английский археолог обнаружил два огромных, хорошо сохранившихся барельефа. Один из них передавал батальную сцену: «во весь опор мчатся две колесницы; в каждой по три воина. Старший — безбородый, по всей видимости евнух, облачен в доспехи из металлических пластинок, на голове его остроконечный шлем, напоминающий старинные норманнские шлемы. Лево́й рукой он крепко держит лук, а правой с силой оттягивает тетиву с наложенной на нее стрелой. Меч его покоится в ножнах, нижний конец которых украшен фигурками двух львов. Рядом стоит возничий, с помощью поводьев и кнута он направляет бег коней; щитоносец прикрывается круглым щитом, возможно, из чеканного золота от вражеских стрел и копьев. С удивлением отмечал я изящество и богатство отделки, точное и в то же время тонкое воспроизведение людей и коней. Знание законов изобразительного искусства выразилось здесь в группировке фигур и общей композиции», — писал Лэйард.

На другом барельефе показан штурм ассирийскими войсками укрепленного города. Защитники крепости стреляют из луков. Вот пораженный стрелой ассириец в предсмертной агонии упал на землю. По приставленным лестницам на стены взбираются осаждающие, дым и пламя взвиваются над горящими воротами, и в безмолвном отчаянии, заломив руки, женщина на стене молит о пощаде.

Работы шли полным ходом, когда Лэйарда неожиданно вызвали к паше. Учтиво осведомившись о здоровье и успехах ученого, паша заявил, что очень сожалеет, но обязан отдать приказ о прекращении раскопок, поскольку

ку в этом районе находится кладбище — место, священное для каждого мусульманина. Если покой усопших будет потревожен, то правоверные захотят отомстить чужеземцу, а ему, паше, слишком дорога жизнь глубокоуважаемого и просвещенного англичанина, чтобы он мог допустить такое.

Лэйард убеждал пашу, что они не видели никаких кладбищ, однако, возвратившись к себе, он, к своему великому изумлению, обнаружил появившиеся за время его отсутствия свежие могильные надгробия.

Этот нехитрый маневр был задуман с целью заставить ученого прекратить раскопки. Продолжать их собирался сам паша, обуреваемый жаждой отыскать золото. Работы пришлось свернуть, и возобновлены они были только несколько месяцев спустя, когда пашу за какую-то провинность сместили с поста.

Однажды ранним утром к Лэйарду прибежала группа возбужденных, отчаянно жестикулирующих арабов. Перебивая друг друга, они рассказали, что нашли нечто совершенно необычное. Этим необычным оказалась скульптура — не барельеф, а скульптурный портрет — изваянная из камня голова с тщательно подстриженной и завитой бородой, тремя парами рогов и в тиаре конической формы.

Лэйард не покинул траншею до тех пор, пока вся находка не была отрыта. Фигура обнаруженного существа ничем не напоминала человеческую: у нее было тело льва с грудью и крыльями орла и пять ног — три передние и две задние. Видимо, древний ваятель стремился придать ей большую динамичность.

Недалеко от первого изображения было найдено парное. Эти каменные фигуры охраняли вход в тронный зал дворца Ашшурнасирпала II.

По замыслу автора, «шеду» — демоны, олицетворяющие мудрость и знания человека, силу льва и стремительность орла, — призваны были вызывать страх и благоговение, подчеркивать несокрушимость и мощь Ассирийской державы.

Ашшурнасирпал II, правивший в 883—859 годах до нашей эры, был одним из самых могущественных и жестоких ассирийских царей. Он заложил основу военной мощи Ассирийской державы и почти все царствование провел в походах против соседних народов и государств.

Вход в тронный зал дворца Ашшурнаирпала
в Нимруде

Каждый ассириец обязан был отбыть воинскую повинность, а практически находился на военной службе всю жизнь, ибо естественным состоянием государства являлась война; короткий мир использовался обычно для подготовки очередной захватнической или карательной кампании. Сельским хозяйством занимались рабы и военнопленные, они же строили оросительные каналы и дамбы, сооружали дворцы и храмы, укрепляли города. С покоренными народами в назидание последующим поколениям не церемонились: частично уничтожали, оставленных в живых обкладывали колоссальной данью. Вот как описывается расправа над восставшим населением подчиненного Ашшурнаирпалу города: «Я воздвиг колонну перед городскими воротами, я содрал кожу со всех

предводителей бунтовщиков и обил ею колонну... Многих пленников я сжег на кострах... другим я отрубил носы, уши и пальцы, выколол им глаза. Двадцать человек я замуrowал живыми в стенах захваченного дворца...».

Менее чем за четверть века своего царствования этот правитель значительно расширил границы своего государства. К концу его жизни оно простиралось на западе вплоть до Средиземного моря. В то же время Ашшурнасирипал много строил. Именно тогда был укреплен Нимруд. Его обнесли стеной со сторожевыми башнями, вокруг него проложили канал, соединивший город с рекой Большой Заб, разбили сады, воздвигли дворцы, щедро украшенные изображениями богов, демонов-хранителей и сценами битв, религиозных процессий, охоты. На каменных стенах рассказали о военных победах, одержанных государем.

Особенно роскошным был дворец-резиденция Ашшурнасирипала. Он занимал площадь около 6 акров и состоял из тронного и приемного залов, внутреннего двора, личных апартаментов царя, гарема, бань, служебных помещений и комнат для дворцовой охраны. Археологи обнаружили при раскопках остатки хорошо продуманной вентиляционной системы. Для отделки широко использовались награбленные в покоренных странах золото, серебро, слоновая кость, медь, древесина кедра, кипариса, тамариска, фиашкового дерева. Некоторые залы и покои были вымощены кирпичными плитами с вытисненным на них именем Ашшурнасирипала. На стенах многих помещений сохранились изображения царя. Он запечатлен в образе победителя, принимающего дань от склонившихся перед его силой правителей, в облике охотника и даже священника.

В Нимруде была найдена и первая за время полевых исследований на территории Ассирии статуя. Изваянная из песчаника, она воспроизводила Ашшурнасирипала II в торжественном одеянии, преисполненного высокомерия и важности. Здесь же обнаружили каменную стелу, получившую название «банкетная». Текст, высеченный на ней, сообщает о празднествах по случаю окончания строительства царского дворца. Как утверждается в отчете, на церемонии, продолжавшейся десять дней, присутствовало 69 574 гостя со всех концов Ассирийской империи и из других стран. Гости съели 2200 бычьих и 16 тысяч

овечьих туш, выпили 10 тысяч мехов вина и 10 тысяч бочек пива. Далее перечисляются названия подававшихся на стол блюд.

Традиции Ашшурнасирпала II продолжил его сын Салманасар III. Он тоже непрерывно воевал и сумел заметно расширить территорию государства. Не уступал он отцу ни в жестокости, ни в тщеславии: на дворцовых стенах появились новые изображения — свидетельства его подвигов и описания его побед.

Основная часть материалов, открытых в «ассирийском греугольнике», вывезена за границу. Их можно увидеть в Британском музее в Лондоне, в парижском Лувре, где этим бесценным экспонатам отведены целые залы, в музеях других столиц. Сейчас о былом величии Нимруда напоминают лишь несколько барельефов, слишком больших, чтобы быть транспортабельными. Под земляными валами угадываются фундаменты крепостных сооружений. Зияют провалами остатки стен, из которых выпилены барельефы меньшего размера, кое-где встречаются куски разрозненных каменных плит с клинописью.

К сожалению, порой памятники древнейшей цивилизации переправлялись за границу контрабандным путем. Еще Ботта в 1845 г. пытался вывезти драгоценные реликвии из Хорсабада. Но ему не «повезло»: лодки с грузом затонули в водах реки Шатт-эль-Араб в районе города Эль-Курна. В свое время японская археологическая экспедиция, имевшая в своем составе аквалангистов, по согласованию с иракскими властями предприняла попытку найти этот груз. Ей удалось обнаружить часть плиты размером 2,2 метра в длину и 2 метра в высоту, однако извлечь ее из воды она не смогла. Поиски предполагается продолжить. В случае успеха находки будут демонстрироваться в Японии, а затем возвращены Ираку.

Американские археологи, работавшие в 1927 году на раскопках города Нузы (неподалеку от нынешнего Киркука) и обнаружившие там множество глиняных табличек с клинописью, вопреки договоренности, согласно которой археологические находки должны быть поделены поровну между иракской и американской сторонами, тайком вывезли все таблички и передали их Гарвардскому и Чикагскому университетам.

Близ дороги из Нимруда в Мосул расположен монастырь Бар Бехнам — святого Бехнама. Старинное зда-

ние по своей архитектуре очень напоминает крепость. В сущности, долгие годы оно и служило крепостью. Если верить легендам, здесь смертью мученика погиб сын одного из ассирийских правителей. Его могила стала местом паломничества. Утверждают, что посетившие ее исцелялись от всяких болезней.

Позже тут обосновался христианский монастырь, выдержавший немало осад иноземных и иноверных завоевателей. В одной из таких осад и прославил себя монах Бехнам, за ратные подвиги причисленный к лику святых. Изображение его сохранилось на стене около алтаря здешней церкви. Он чем-то похож на Георгия Победоносца, сидящего на коне и поражающего копьем своих врагов; не хватает только распростертого под копытами лошади змия.

Когда-то монастырь процветал и был известен на всем Ближнем Востоке, ныне положение его незавидно, от былых времен остались только выполненные втрате лики святых да древние фолианты на пергаменте. С невольным трепетом касался я пожелтевших страниц и порядком обветшавших кожаных переплетов, скрепленных позеленевшими бронзовыми украшениями. Показывая книги, сваленные в беспорядке на полках и просто на полу подвальной библиотеки, настоятель горько сетовал на невнимание епископа Антиохийского, в ведении которого находится монастырь, на скудость средств и трудность набора монахов-послушников (сейчас их в монастыре только пятеро).

Холмы, возвышающиеся сразу же за окраинами Мосула, издавна привлекали к себе внимание археологов. Особенно велики два холма: вблизи деревушки Куюнджик и у местечка Наби Юнис. Первый простирается километра на полтора и достигает в высоту почти 30 метров, второй — раза в два меньше.

Раскопки здесь начал Ботта, но он действовал наугад, надеясь более всего на удачу, — рыл неглубокую яму и, ничего не обнаружив, бросал это место и переходил на другое. После трех месяцев безрезультатных поисков он прекратил работы под Куюнджиком и перенес их в Хорсабад, где ему сразу же повезло.

Иного метода придерживался Лэйард, обладавший к тому же опытом раскопок в Нимруде: он прорывал глубокую (не менее 6 метров) и длинную траншею. Уже че-

рез несколько дней была обнаружена стена здания. Расширив траншею, ученый нашел и вход, охраняемый двумя крылатыми львами. Менее чем за месяц он раскопал остатки девяти дворцовых залов. Изображения на их стенах очень походили на изображения в Нимруде.

На сей раз первым европейцем, вошедшим во дворец ассирийского правителя Синахериба, был Лэйард.

Политика Синахериба, правившего в 705—681 годах до нашей эры, мало отличалась от политики его предшественников. Он также совершал походы на соседние государства, подавлял восстания в самой Ассирии, сурово расправляясь с их участниками.

В 689 году он до основания разрушил Вавилон. Этому почитавшемуся «священным» городу, в котором, по непоколебимому убеждению верующих, «небеса соприкасались с землей», даже самые жестокие ассирийские власти издавна предоставляли определенные привилегии и льготы. Синахериб же, по его собственным словам, «не пощадил ни старых, ни малых», устлал улицы их трупами. «Для того чтобы потомки забыли места, где находились храмы, я превратил их в пастбища для скота», — писал он. Такое преступление, передают легенды, боги не могли оставить безнаказанным. По их велению царь был убит своим родным сыном во время молитвы в храме.

Разрушая без малейшей жалости города в чужих землях, Синахериб много сделал для возвеличения собственно Ассирии. При нем строились новые и перестраивались старые крепости и города, сооружались ирригационные системы, развивалось сельское хозяйство. Особое внимание он уделил Ниневии, прежде заштатному городку, лишь однажды удостоившемуся чести служить резиденцией правителя.

Синахериб превратил Ниневию в столицу, достойную могущественного государства. Вокруг нее была возведена стена из огромных каменных блоков высотой 30 метров и протяженностью около 13 километров с 15 массивными воротами. Берега Тигра укрепили дамбами, призванными защищать столицу от разливов в период паводков. Изменили русло реки Хосер, и она по заново отрытым 16 каналам стала снабжать горожан свежей питьевой водой. Узкие переулки, где не могли бы разойтись и два осла с поклажей, превратились в широкие улицы, вымощенные каменными брусками.

Вокруг блиставшего великолепия царского дворца разбили огромный сад с искусственным орошением, куда со всех концов страны были доставлены всевозможные растения и фруктовые деревья. В загонах и клетках выращивались хищные звери для царской охоты.

Во дворце насчитывалось около 80 покоев, не считая помещений для челяди. Не было недостатка в изображениях царя — на войне, пиршествах, охоте. Вместе с тем скульпторы запечатлели и тех, кто создавал дворец, людей, обтесывающих камни, носильщиков, согнувшихся под тяжестью корзин со строительным материалом, рабов, закованных в кандалы, а также надсмотрщиков с тяжелыми дубинками и бичами.

Ниневия оставалась столицей и при последующих правителях. Один из них, внук Синахериба, Ашшурбанипал вошел в историю как любитель литературы. Литература эта была весьма своеобразна, ее «тома» составлялись из глиняных плиток с клинописью, которые складывались уже наподобие книг, имели нумерацию и общее заглавие. Чтобы не перепутались «страницы», каждую новую плитку начинали с повторения заключительной строки предыдущей. В Британском музее хранится более 25 тысяч плиток из библиотеки Ашшурбанипала.

В районе Ниневии восстановлены часть крепостной стены и несколько ворот. Продолжаются раскопки недавно обнаруженных дворцов. Я видел, как археологи осторожно извлекали барельефы, изображавшие царей-полководцев и простых воинов, ликующих победителей и поверженных, сцены пиршеств и казней. Я не устоял перед соблазном потрогать стены, донесшие до нас дыхание веков. Даже при легчайшем прикосновении мрамор шелушился и отслаивался, некогда блестящие бронзовые обрамления, скреплявшие мраморные плиты, крошились. Время победило и камень и металл.

Сложнее получить разрешение на ведение раскопок в местечке Наби Юнис; это почти невыполнимо. Здесь много сотен лет назад стояла несторианская церковь, в которой, по преданию, был похоронен библейский пророк Иов, проведенный три дня в чреве кита. Затем церковь превратили в мусульманскую мечеть, весьма посещаемую и сегодня. Рядом находится мусульманское кладбище. Не исключено, что холм Наби Юниса скрывает разгад-

ку одной из многих тайн, связанных с далеким прошлым страны.

Еще в детстве я впервые услышал миф о Вавилонской башне, которую приказал соорудить правитель древнего государства, чтобы заглянуть в царство небесное. Бог, разгневавшись на нечестивцев, разрушил башню, а ее строителей покарал тем, что лишил их возможности понимать друг друга.

Имя основателя Вавилона и дата возникновения последнего до сих пор точно не установлены. Предполагают, что между XXIV и XXI веками до нашей эры шумеры заложили город и назвали его Кадингир — «Врата бога».

Позднее на том же месте аккадцы построили новый город, назвав его Баб-или, что также означает «Врата бога». Превращение Вавилона в столицу связывают с Сумуабумом, вождем племени аморитов.

Археологические раскопки не внесли ясности в этот вопрос. На территории, где некогда дважды расцвело и пало Вавилонское государство, обладавшее плодородными землями, щедро удобренными илом и наносными водами двух рек, не было, однако, ни рудных месторождений, ни камня. Металлическое оружие завоевывалось в сражениях с другими народами или наряду с украшениями и утварью привозилось из других стран. Здания обычно строились из необожженного кирпича. Для обжига нужно дерево, а лесов там не было, как нет их и теперь. Обожженные кирпичи использовались только для отделки богатых дворцов и храмов. В сухом климате они простояли бы долгие годы, но пережить войны, пожары и наводнения они не могли. Такая же участь постигла и таблички из высушенной на солнце глины, на которых при первых правителях фиксировались основные события, писались официальные документы и цифры доходов и расходов от торговли. Лишь позднее особенно важные сведения стали наносить на таблички, подвергшиеся обжигу.

Определение дат в большой степени затрудняется тем, что в Вавилоне за основу хронологии брались случайные события — восхождения того или иного правителя на трон, победы над противником, окончания строительства храма, дворца или крепости, большого пожара или наводнения и т. д.

Руины Вавилона

И все же руины Вавилона немало поведали археологам... Когда в 1792 году до нашей эры царем стал Хаммурапи, этот город, по словам одного историка, был ничем не примечательным провинциальным центром. Власть его распространялась на весьма незначительную территорию — от ее северной до южной границы насчитывалось около 130 километров, а от западной до восточной — не более 35.

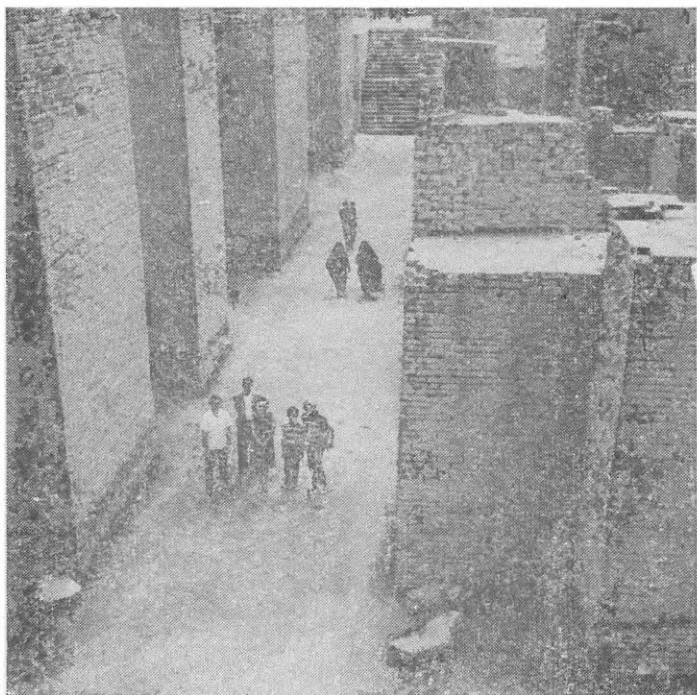
В Хаммурапи сочетались качества хитроумного политика, умелого полководца и опытного правителя. Он заключал союзы с другими странами, а затем нарушал их, если ему было нужно, сталкивал между собой соседей, опять же не без выгоды для себя. В результате такой политики, подкрепленной успешно проведенными военными кампаниями, Вавилон превратился в столицу круп-

ного по тем временам государства, границы которого приблизительно совпадают с границами современного Ирака.

В последний период своего сорокадвухлетнего пребывания на престоле Хаммурапи имел титул всемогущего царя Вавилона, царя аморитов, царя Шумера и Аккада, царя четырех стран света. Править государством, подданные которого принадлежали к разным этническим общностям и отправляли различные культы, было не просто. Умный и проницательный, Хаммурапи не заставлял население покоренных стран отказываться от укоренившихся обычаев и традиций. По его указу жрецы наделили бога — покровителя Вавилона, Мардука, первоначально бога плодородия, почти всеми качествами божеств поработенных народов и тем самым сделали его всеобщим объектом поклонения. С тех пор Мардука стали изображать в виде дракона, носящего черты льва, орла, рыбы, змеи и олицетворяющего свойства, которые им приписывали. Городским советам старейшин была предоставлена некоторая самостоятельность: они взимали налоги и разбирали мелкие судебные дела. Но вся полнота власти в действительности находилась в руках царя, осуществлявшего управление страной через наместников.

Руками многочисленных подданных и рабов Хаммурапи строил дворцы и храмы, прокладывал каналы и дороги. При нем Вавилон начал вести активную внешнюю торговлю, вывозя зерно, шерсть, масло и финики. Монеты в обращении еще не появились, но оплата товаров производилась кусочками серебра предусмотренного законом веса — «минами» и «шекелями». Согласно тем же законам доля золота равнялась по стоимости пятнадцати долям серебра.

В этот период был создан централизованный административный аппарат, все звенья которого выполняли четко разграниченные функции. До наших дней сохранилось несколько десятков табличек с царскими распоряжениями наместникам, воинским начальникам, послам в других странах и прочим официальным лицам. Эти распоряжения касались вопросов назначения и смещения чиновников, проведения переписи и мобилизации населения в отдельных наместничествах, строительства зданий, размеров вводимых налогов.

Руины Вавилона

В Иракском национальном музее в Багдаде выставлена гипсовая стела. Оригинал ее из черного диорита хранится в Лувре. Безвестный мастер нанес на полированную поверхность текст, определявший правовую основу жизни общества. Это сборник Законов Хаммурапи, одна из самых любопытных и ценных находок в истории человечества. Стелу обнаружили французские археологи в иранском городе Сузы, некогда входившем в состав Вавилонии.

Судя по Законам, господствующее положение в обществе занимали полноправные свободные лица. Другую многочисленную группу составляли рабы. Их могли покупать, продавать и обменивать. Стоимость рабов, а также меры наказания за побег и содействие беглецу оговаривались специально.

Правители должны были выделять землю, скот и зерно военнослужащим. Эти участки наследовались только сыновьями покойного, за что им надлежало отбывать воинскую повинность. Так были заложены основы создания регулярного войска. В разделе, посвященном брачно-семейным отношениям, говорится о необходимости регистрировать брак. В случае измены жены муж имел право развестись, не дав ей никаких средств существования. Но если она не родила ему сына и данное обстоятельство служило причиной развода, муж обязан был вернуть ей приданое или его стоимость.

Интерес представляют параграфы, определявшие ответственность и гонорар хирурга. Оказывается, уже во времена Хаммурапи глазные заболевания, например, лечили оперативным путем. Предусматривалось, что за успешную операцию свободный платил хирургу 10 серебряных шекелей, полусвободный — в два раза меньше; гонорар за лечение раба в размере 2 шекелей оплачивал собственник последнего.

Если же операция свободного заканчивалась неудачно или если он умирал, то хирургу без долгих размышлений отрубали руку. Жизнь раба оценивалась дешевле — собственнику возмещалась стоимость умершего.

Труд строителей оплачивался в зависимости от объема возведенного дома, но промахи их карались еще более строго, чем ошибки хирурга. Если по вине строителя дом разваливался и при этом погибал хозяин, первый отвечал собственной жизнью.

Можно представить, что в часы занятий государственными делами рядом с Хаммурапи сидел секретарь и писал заточенной особым способом тростниковой палочкой на табличке из влажной глины. Палочка оставляла небольшие углубления, похожие на клинья. Покончив с записью очередного распоряжения, секретарь посыпал табличку мелкой глиняной крошкой и затем обмазывал ровным слоем глины, т. е. вкладывал послание в своего рода конверт. Указав на его поверхности адрес, секретарь отправлял «конверт» для обжига. Крошка предохраняла табличку от прилипания к «конверту», а образовавшийся под воздействием огня внешний твердый слой ограждал текст от повреждений и любопытного глаза. «Запечатанное» письмо вручалось гонцу царской почты для передачи адресату.

Гонец проходил через дворцовый зал с возвышением (здесь Хаммурапи в торжественных случаях выступал перед своими подданными), через единственные ворота, у которых днем и ночью дежурила стража, вскакивал на коня и отправлялся в путь.

Дворец был огромным и роскошным, к нему примыкали многочисленные строения — для придворной знати, чиновников, слуг. Внутри его находились тронный и приемный залы, зал для жертвоприношений и покои царской семьи. Все помещения были без окон, и свет сюда проникал сквозь дверные проемы или круглые люки в потолке, которые в дождливые и холодные дни закрывались крышками. Но уже в то время во дворце существовали водопровод и канализационная сеть, о чем свидетельствуют остатки труб с покрытием из битума.

Дома горожан — глинобитные буро-зеленого цвета коробки — таких удобств, естественно, не имели, отходы выбрасывались или выплескивались прямо на улицу.

Жилые помещения располагались вокруг открытого дворика. Зажиточные горожане строили двухэтажные здания, в этом случае вдоль второго этажа сооружалась деревянная галерея. Верх занимала семья хозяина, низ отводился под большую комнату для гостей, кухню и каморки для слуг. Убранство комнат отличалось простотой — столы, стулья, сундуки и неперенные коврики и подушки.

Городские улицы, вернее, улочки (в крепости не хватало земли, поэтому сэкономили на ширине улиц), утопали в грязи и пыли. Днем в жару людей было мало. Изредка попадались слуга, посланный хозяином со срочным поручением, водонос с бурдюком за спиной, мелочный торговец с лотком. Ближе к вечеру где-нибудь на перекрестке группками собирались люди вокруг сказителя. Слабые, подрагивающие на сквозняке огоньки в лавчонках освещали разложенные по глиняным мискам мясо, рыбу, овощи и другую снедь, а также ремесленные изделия.

После смерти Хаммурапи начался закат Вавилонии. Город и его окрестности подверглись разграблению касситскими, хеттскими и снова касситскими племенами. После нашествия ассирийцев город надолго утратил свое значение. Только в конце VII века до нашей эры он сно-

ва переживал период расцвета. При Набопаласаре, правившем с 626 по 604 год до нашей эры, образовалось Нововавилонское, или Халдейское, государство.

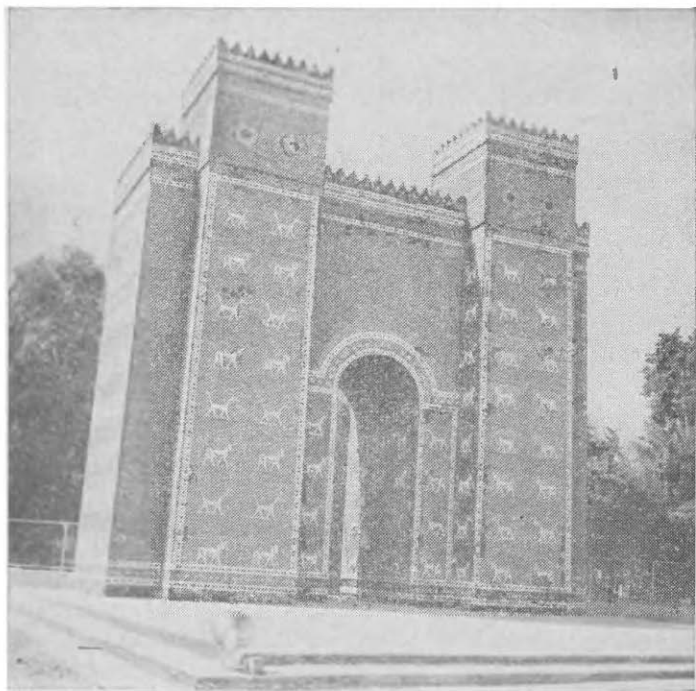
Наивысшего расцвета оно достигло в VI веке до нашей эры. Войска Навуходоносора II (604—561) захватили Финикию, нанесли сокрушительное поражение египетскому фараону Нехо, которого поддерживали ассирийцы и греки, и, покорив Сирию и Палестину, вышли к границам Египта. Из военных походов привозили богатейшие трофеи и приводили тысячи и тысячи рабов — дешевую рабочую силу. По всей державе Навуходоносора (а ее территория тогда намного превышала территорию сегодняшнего Ирака) строились города, расширялась сеть оросительных каналов. Но больше всего внимания уделялось возрождению самого Вавилона.

Древнегреческий историк и путешественник Геродот, побывавший там уже после нашествия персов, писал, что ни один город мира не может сравниться с ним по красоте. Как подсчитали археологи, в Вавилоне времен Навуходоносора II постоянно проживало не менее 100 тысяч человек, причем в случае необходимости он мог дать кров еще 250 тысячам; 1180 храмов украшали его площади и улицы.

Высокие и прочные крепостные стены с башнями и ров, заполненный водой, окружали город. По верхней части наружной стены, протянувшейся на 30 километров, могли в два ряда проехать колесницы, запряженные четверками лошадей. Эта дорога позволяла быстро перебрасывать подкрепления в район прорыва. Попасть в крепость можно было только через восемь ворот, названных по именам вавилонских богов. Кроме того, подступы к городу с севера прикрывала Мидийская стена, возведенная между Тигром и Евфратом.

В дни празднования Нового года, отмечавшегося весной, торжественная процессия медленно двигалась через Иштарские ворота — длинный крытый проход, к которому примыкали боковые помещения для стражи. Под сводами гулко отдавались шаги. Молящихся встречали многочисленные изображения бога Мардука в облике красно-белого дракона и быков, олицетворявших Адада — бога грома и молнии. Багровые блики факелов играли на голубых глазурованных плитках.

Строители Иштарских ворот разбирались не только

Макет Иштарских ворот

в военном деле, но и в человеческой психологии. Они несомненно учитывали, что слепящее солнце и яркая синева небес после полутемного прохода должны произвести сильное впечатление. На воображение участников процессии призван был действовать и величественный вид южного царского дворца (площадь 300 на 200 метров), украшенного многоцветными изображениями.

Далее путь пролегал по широкой улице шествий, мощенной каменными плитами и окаймленной высокими голубыми стенами, с которых на молящихся грозно смотрели несколько десятков пар оскалившихся желтых львов с белыми лапами, символизирующих Иштар, богиню любви и войны. Люди с изумлением и восхищением разглядывали «висячие сады» Семирамиды, разбитые по приказу Навуходоносора для его жены, тосковавшей по

зеленым холмам родной Мидии. На расположенных сверху вниз террасах были собраны образцы деревьев и растений из всех районов обширного государства. Искусные вавилонские строители создали сложную систему насосов и труб для подачи воды. Были здесь устроены и своеобразные «холодильники» — специальные помещения в глубине холмов, в которых хранились запасы продуктов для царской кухни. Древние греки не без оснований считали сады Семирамиды одним из семи чудес света.

Улица шествий была застроена дворцами, храмами, домами знати. На правой стороне ее возвышался главный храм города — Э-сагила, сооруженный в честь Мардука. За оградой на высоком постаменте, каждая сторона которого составляла около 100 метров, вздымалась стометровая семиступенчатая пирамида Э-теменанки, она-то и получила название Вавилонской башни.

В храме были широко представлены богатства, награбленные в покоренных Вавилоном странах. Потолок и стены, выложенные плитами из ливанского кедра, сплошь покрыты украшениями из золота, серебра, драгоценных камней и ляпис-лазури. В голубоватых струях благовонных курений вырисовывалась золотая статуя бога Мардука, восседавшего на золотом троне. Вес статуи и пьедестала составлял, по утверждению Геродота, 800 таланов (около 3 тонн).

В один из дней праздника совершался ритуал очищения. Машмашу — верховный жрец, произнеся молитвы, под бой барабанов отрубал голову барану, кропил еще дымящейся кровью стены храма, а затем выбрасывал голову и туловище в Евфрат. Вавилоняне верили, что эта жертва искупала все грехи прошедшего года.

В последний, двенадцатый день на улице шествий появлялся пышный кортеж: несли изображение богов — покровителей крупнейших городов Вавилонского государства. Впереди на колеснице везли изображение Мардука, перед которым жители столицы и ее окрестностей падали на колени. Кончался праздник, и купцы возвращались в свои лавки, рабы — в поле и на сооружение дворцов, дорог и каналов, жрецы — в многочисленные храмы, сосредоточенные в основном в западной части города. Она соединялась с восточными районами мостом через Евфрат. Этот мост также по праву относят к вы-

дающимся памятникам строительного и инженерного искусства древности. Его отличали не только внушительные размеры — общая длина с подъездными путями, достигала почти 800 метров. Это был первый в мире разводной мост на кирпичных опорах. Позднее Евфрат изменил свое русло, и на сухом месте обнажились семь опор (каждая 23 метра в длину и 10 метров в ширину), сложенных из кирпичей кубической формы.

В завершающей трети VI века до нашей эры Вавилонское государство, раскинувшееся от Персидского залива почти до озера Ван и от Иранского нагорья до Средиземного моря, начало распадаться. То в одном, то в другом конце его вспыхивали восстания. Их поднимали люди, доведенные до нищеты и отчаяния возрастающими поборами. Для подавления восстаний нужно было содержать огромную армию, а для этого требовались деньги, деньги и деньги.

Правители, занятые устранением внутренних неурядиц и выколачиванием средств из населения, слишком поздно узнали о вторжении в страну войск персидского царя Кира. Прочные стены, высокие башни, глубокие рвы не спасли город. По преданию, воины Кира, вырыв канал, отвели в соседнюю долину воды Евфрата и по осушенному дну реки ворвались в Вавилон. Это случилось в одну из праздничных ночей 538 года, когда стража и жители беспечно пировали, уверовав в свою безопасность.

Вопреки обычаям того времени Кир не предал покоренную страну огню и мечу, здраво рассудив, что разрушенные селения и могилы побежденных не принесут ему никакой выгоды. Он даже сохранил за многими вавилонскими чиновниками их посты. Так что для простых смертных приход Кира означал лишь очередную смену правителя.

И все же персы разрушили Вавилон. Это сделал царь Ксеркс в 482 году до нашей эры, мстя за выступления против своих наместников-сатрапов, нещадно грабивших местное население и облагавших его все новыми налогами, чтобы вести длившуюся долгие годы, но безрезультатную войну Ирана против Греции. Многие участники восстаний заплатились жизнью, храмы и дворцы были разграблены, крепости сровнены с землей. Оставшиеся должны были ежегодно выплачивать персам тысячу та-

ланов (около 3750 килограммов) серебра и четыре месяца в году содержать двор персидского царя. Сатрапу Вавилона полагалась особая дань.

Александр Македонский, отбивший Вавилон у персов в 331 году до нашей эры, пытался возродить город и даже намеревался превратить его в один из центров своего государства. По приказу Александра здесь начали строительство большого порта и чистку русла Евфрата до Персидского залива. Однако смерть Александра от малярии 13 июня 323 года до нашей эры помешала осуществлению этих планов....

После двух часов езды по шоссе от Багдада наша машина остановилась перед входной аркой Иштарских ворот с красочными изображениями Мардука и Адада. Это только макет. Подлинные плитки, найденные немецкими археологами, вывезены и установлены в Берлинском музее. По выщербленным плитам улицы шестивый мы подошли к остаткам ворот, местами достигающих 12-метровой высоты. На торцах желтовато-бурых кирпичей, соединенных битумом, кое-где еще виднеются барельефы со львами. В сознании не укладывается, что этой улице несколько тысяч лет. Трудно представить события, отстоящие от нас даже на сотни лет, но на тысячи...

И тем не менее именно тысячи лет назад по этим плитам проходили участники праздничных процессий, ликующие, опьяненные победами вавилонские войска с богатейшими трофеями и пленными. По этим плитам касситские, хеттские, ассирийские и персидские воины вводили в свои страны покоренных вавилонян. Наверно, по той же дороге в гробу, заполненном медом, провезли тело скончавшегося здесь Александра Македонского.

Сейчас от дворцов Навуходоносора II, от «висячих садов» Семирамиды, от многочисленных храмов остались только бесформенные развалины. Археологи даже не могут установить точно местонахождение знаменитой башни.

Время, пожары, войны и разливы Евфрата уничтожили замечательные творения вавилонских зодчих и строителей. Но и через десятки столетий мы имеем возможность судить о достижениях вавилонян в различных областях науки и техники. Древние математики умели решать квадратные уравнения и использовали их при

определении площади земельных участков, они были знакомы с теоремой, которую намного позже называли теоремой Пифагора.

Высокие крепостные стены и огромные башни, мосты и акведуки нельзя было соорудить без знания законов механики, равно как довольно сложные ирригационные системы и насосы, нагнетавшие воду в сады Семирамиды, нельзя было создать без знания законов гидравлики. Вавилонская башня и башни других храмов не случайно имели форму семиступенчатых пирамид, жрецы-звездочеты знали о существовании семи планет и изучали пути их движения. Они почти точно вычислили продолжительность лунного месяца: расхождение с данными современных астрономов составляет всего 0,4 секунды. И в наши дни мы широко пользуемся шестидесятичной системой счисления, разработанной вавилонянами, — делим час на 60 минут, минуту — на 60 секунд, круг — на 360° и т. д.

Раскопки в Вавилоне рассказали лишь об отдельных этапах истории этого древнейшего города. Возможно, что холмы и курганы, которых пока еще не коснулась рука археолога, больше поведают о народах, живших здесь тысячи лет назад.

У ОЗЕРНЫХ АРАБОВ И В КРАЮ ФИНИКОВ

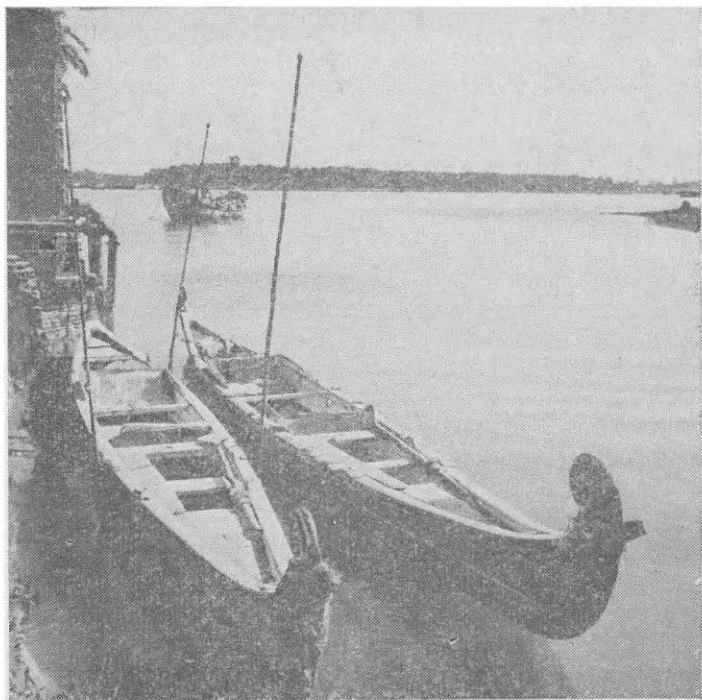
Обычно, когда речь заходит об арабах, невольно представляются величественные пирамиды, оазисы с вечнозелеными пальмами, бескрайние песчаные пустыни, по которым бредут навьюченные поклажей верблюды или мчатся во весь опор лихие всадники на горячих скакунах. Между тем арабы живут также и по берегам многочисленных озер, но это мало кому известно.

Тигр и Евфрат около города Эль-Курна соединяются в одну речную артерию — Шатт-эль-Араб, несущую свои воды в Персидский залив. По преданию, здесь в стародавние времена находились райские сады. Сейчас неподалеку от реки стоит довольно невзрачного вида дерево, окруженное железной оградой. Рядом с ним укреплен щит с надписью: «На этом священном месте, где Тигр сливается с Евфратом, растет священное дерево праотца нашего Адама, символизирующее сады эдема на земле, в которых две тысячи лет до рождения Христа молился Авраам».

В районе слияния Тигра и Евфрата и обитают мааданы — озерные арабы. Площадь заселенного ими края весьма приблизительно определяется в 20 тысяч квадратных километров — подсчитать точно почти невозможно: она не бывает постоянной из-за разливов рек, дождей, жары.

Первые поселенцы появились в этом районе еще в давние времена. По всей вероятности, ими были люди, скрывавшиеся от расправ и преследований со стороны тех, кто оказался победителем в войне. Пришельцы сменили седла лошадей и верблюдов на весла и лодки, научились сооружать жилища из тростника, единственного доступного им строительного материала, промыслять озерную дичь и рыбу.

Доехать, вернее, доплыть до нужной деревушки мааданов человеку, прибывшему сюда впервые, — затея не-

Здесь воды Тигра и Евфрата вливаются
в Шатт-эль-Араб

реальная. Узкие и широкие протоки (им нет числа), берущие начало в больших и малых озерах или впадающие в них, образуют причудливый лабиринт. Найти путь, определить свое местоположение по каким-либо ориентирам чрезвычайно трудно: высокие заросли, вплотную подступающие к берегам, а иногда и нависающие над ними, полностью скрывают горизонт. Самая подробная карта района, будь она составлена, устарела бы, еще не выйдя из печати: за этот период могли возникнуть сотни протоков. Мааданы прокладывают их в случае необходимости простым и оригинальным способом — прогоняют в нужном направлении стадо буйволов, которые проламывают, как бульдозеры, тростниковые джунгли, образуя новые водные пути. Когда надобность в том или

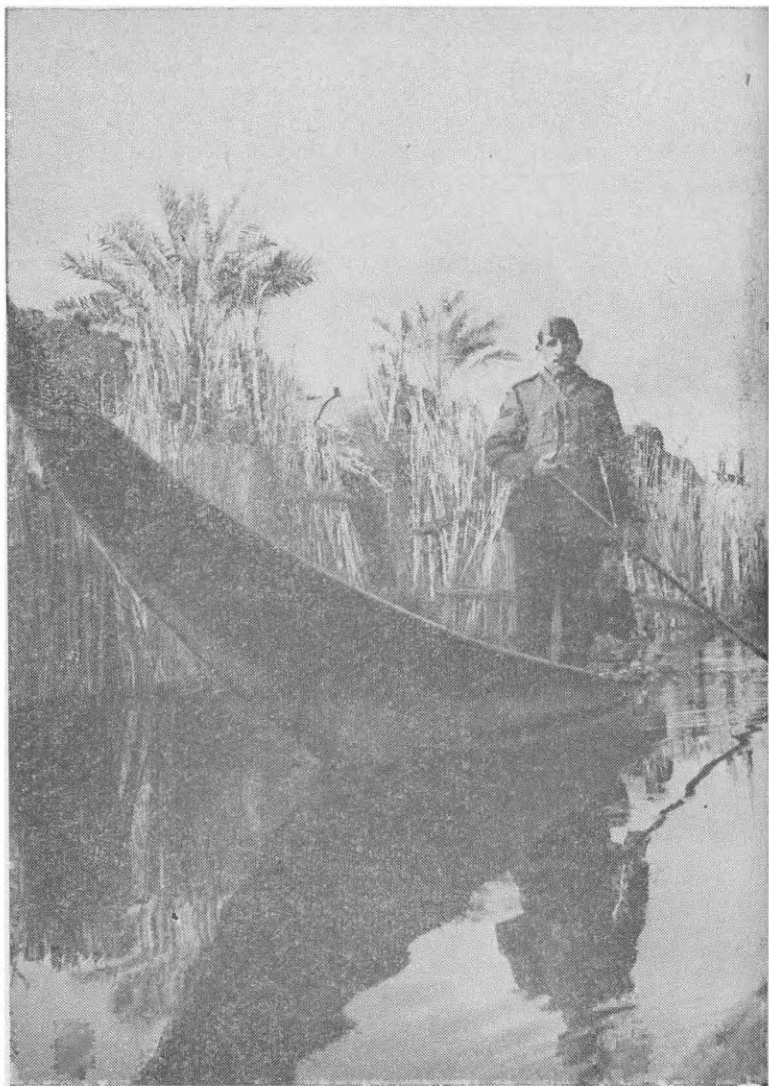
нном протоке отпадет, им перестают пользоваться, и он довольно быстро вновь зарастает тростником.

Есть тут, конечно, и обжитые «дороги», своего рода широкие проспекты, по ним движутся катера. Но ведь и в городах люди живут не только на проспектах. В переулках и тупичках житель соседнего района отнюдь не всегда способен отыскать нужный дом. А города-то расположены на твердой земле. Словом, без хорошего проводника к мааданам ездить нечего. Порой о близости деревни можно догадаться по запаху дыма, легко различимого в чистом воздухе, звонкой переключке голосов обитателей, стуку деревянных пестиков, толкущих зерно в ступах, по мычанию буйволсов и лаю собак. Однако не разглядишь за плотной стеной тростника нужного протока и проплывешь мимо.

Вот почему в озерный край я отправился с Гургисом Юсефом, сотрудником Багдадского телевидения, получившим задание снять фильм о мааданах. Даже мне, сидящему на дне верткой, выдолбленной из ствола дерева лодки, нелегко было сохранять равновесие, оперируя одновременно фото- и киноаппаратами. А наш гребец, двенадцатилетний Саддам Саббат, стоя во весь рост на корме, уверенно вел «суденышко». Мастерству его нельзя было не удивляться.

Для местных жителей лодки (здесь существует несколько типов их) — единственный вид транспорта. Небольшая, низко сидящая в воде матаур обычно вмещает одного человека. Самый распространенный тип — таррада — узкая, с высоко поднятой кормой и носом лодка, напоминающая индейскую пирогу, легко проходит сквозь заросли. Она отличается красотой, устойчивостью, быстротой.

Пробираясь по протокам-улицам одной из деревень, вдоль тростниковых домишек, приткнувшихся на островках, мы встретили лодку, которой управляла девочка лет пяти; пассажиром была ее годовалая сестренка. Мимо нас проследовала закутанная в абайю пожилая арабка. Не переставая грести, она прикрыла краем покрывала лицо. Попалась нам группа школьников, возвращавшихся с букварями и тетрадами с занятий, куда, на зависть своим «сухопутным» сверстникам, они попадают только по воде. Неторопливо объезжал участок полицейский на «персональной» тарраде.

Полицейский на персональной тарраде

Уклад жизни мааданов во многом остается неизменным, хотя в их домишках появились транзисторные приемники. Все еще очень велик авторитет шейхов, вождей племени. Лишенные ряда привилегий, они тем не менее по-прежнему решают повседневные вопросы, выступают в роли судей при рассмотрении долговых споров, назначают людей на совместные работы и руководят этими работами. Шейхам принадлежит последнее слово при разборе жалоб и недоразумений.

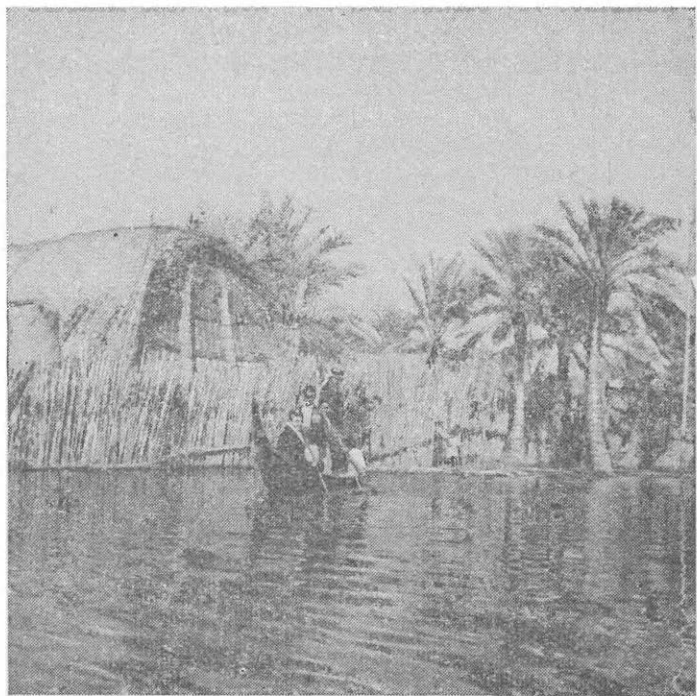
В какой-то степени это объясняется тем, что «до Аллаха высоко, а до властей далеко». В самом деле, представители центра не так уж часто посещают затерявшиеся в тростниковых джунглях деревушки, нередко меняющие место то из-за слишком высокой, то из-за слишком низкой воды. С другой стороны, мааданы предпочитают, чтобы их дела рассматривались соплеменниками, а не где-то в незнакомых городах незнакомыми им людьми.

Иногда вопросы решает не сам шейх, а совет наиболее уважаемых членов племени. Заседают они в музье — специально построенном просторном помещении, в котором, кроме того, принимают гостей и собираются вечерами побеседовать, покурить, выпить чаю или кофе.

Основные занятия мааданов — животноводство, рыболовство, разведение уток, выращивание риса и плетение циновок. Нам удалось увидеть, как это делается. Глава семьи, сидя «по-турецки», обрубает тростниковые стебли длиной метра два с половиной и толщиной с палец, а затем острым ножом расщепляет их вдоль волокна на две половинки. Жена укладывает несколько таких половинок рядом и отбивает их деревянной колотушкой, чтобы они стали мягче. Сын же плетет циновки. Для одного изделия размером приблизительно два с половиной на полтора затрачивается в среднем два часа.

Рис, рыбу и циновки отправляют на продажу в города, а оттуда привозят продукты питания, сено для коров, кирпич, стекло, цемент, доски — словом, все строительные материалы. Поэтому деревянный, а тем более кирпичный дом могут построить только богатые люди.

Образ жизни мааданов суров, но он складывался на протяжении многих сот лет, население края привыкло к нему и сохраняет верность установившимся обычаям и традициям. Здесь принято, чтобы плывущие в лодке пер-

«Улица» в деревушке мааданов

выми приветствовали находящихся на берегу. Если же встречаются две таррады, сначала здороваются гребцы и пассажиры той из них, которая идет вниз по течению. Местные жители очень радушны и гостеприимны. Приезжему они с готовностью помогут вынести вещи, но вносить их в лодки отъезжающим не станут: гостям может показаться, что от них желают поскорее отделаться.

К ловящим рыбу сетями, удочкой и даже самым усовершенствованным спиннингом относятся с некоторым пренебрежением. Испокон веков заведено, что настоящий маадан должен бить ее острой. Делают это тут с отменным мастерством. В пищу охотно употребляют бакланов, ибисов, журавлей и цапель, однако ни один уважающий себя человек не притронется к мясу пеликана и аиста. На пеликанов охотятся, но лишь ради кожистого подклювного мешка, который используется для бара-

бана, весьма распространенного в крае музыкального инструмента. Не едят также некоторые породы рыб, кабанье мясо; оно, как и свинина у всех мусульман, считается «нечистым».

У арабов и курдов Ирака коров, коз и овец доят женщины, в данном же районе буйволиц доят исключительно мужчины, зато толкут зерно в ступах и лепят кизяки из буйволиного навоза женщины.

В ясную погоду с самолета можно разглядеть на берегах водоемов и рек маленькие метелочки из зеленых перьев — такими с высоты кажутся кроны финиковых пальм. Они начинают появляться в районе города Киркук, а по мере приближения к южной части страны их становится все больше. Но стоит самолету немного отклониться в сторону от русла Тигра или Евфрата, и в иллюминаторе опять лишь безжизненные, серые и рыжие пески пустыни: финиковая пальма растет только там, где в изобилии имеется вода. За Эль-Курной уже просматриваются сплошные изумрудные массивы плантаций, рассеченные оросительными каналами на квадраты и прямоугольники. Плантации тянутся вдоль Шатт-эль-Араб до места ее впадения в Персидский залив.

На берегу реки, примерно в 140 километрах от устья, расположена Басра, второй по величине город Ирака. Основанная в 637 году, она уже вскоре после своего возникновения стала одним из самых оживленных торговых центров. В Багдадском музее есть серебряная монета — дирхем, — отчеканенная в 702 году, в правление халифа Абд-ал-Малика ибн Мирвана из династии Омейядов. Это древнейшая из такого типа монет, пущенных в обращение в арабских странах.

В сказках «Тысяча и одна ночь» неоднократно упоминается Синдбад-мореход, отправлявшийся в свои удивительные путешествия из Басры. Близ города и сейчас еще сохранились развалины «башни Синдбада»; имя его носит островок на Шатт-эль-Араб. Конструкция фелюг тех времен не претерпела существенных изменений, правда, теперь они перевозят грузы лишь в соседние государства. Зато совершенно преобразилась Басра — ныне столица южного края и главные морские ворота, пропускающие почти весь импорт и экспорт Ирака. В ней свое-

Советское судно «Космонавт» доставило
в Басру очередную партию грузов

образно сочетаются черты портового, нового административного и старого восточного города. Многочисленные каналы и переброшенные через них бесконечные мосты и мостики делают Басру похожей на Венецию. Ее так и называют «Восточная Венеция».

У небольших причалов стоят спустившиеся с верховьев Тигра и Евфрата лодки, баржи и фелюги. В морском порту пришвартовались под разгрузку или погрузку океанские суда, пришедшие через Персидский залив. Часто здесь бывают посланцы нашей страны. Путь в этот порт хорошо известен. Еще в 1901 году Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ) ввело регулярные пассажиро-грузовые рейсы между Одессой и Басрой. Суда под алым флагом СССР доставляют сельскохозяйственные и дорожно-строительные машины, ав-

Для арабов финиковая пальма нечто большее,
чем обычное плодовое дерево

томобили и тракторы, станки и оборудование для заводов и фабрик, сооружаемых по проекту и при техническом содействии советских специалистов.

С дружеским визитом по приглашению правительства Иракской Республики Басру посетил ракетный противолодочный корабль «Стерегающий». Портовые рабочие, рыбаки, служащие, крестьяне (многие с детьми), студенты университета были гостями наших моряков. Люди приносили огромные букеты живых цветов. «Да здравствует советско-иракская дружба!», «Добро пожаловать, дорогие советские моряки!», «Желаю дальнейшего укрепления иракско-советского сотрудничества!» — такими пожеланиями заполнилась книга посетителей.

В те дни в городе состоялся концерт ансамбля песни

и пляски Краснознаменного Тихоокеанского флота. Зрители в зале дружно подпевали артистам, когда они исполняли народную иракскую песню на арабском языке. Одинаково горячо «болели» местные жители за свои команды и за команды советских моряков во время товарищеских встреч по футболу, волейболу и баскетболу.

Басра — не только порт и административный центр, но и столица края фиников, по производству которых Ирак занимает первое место в мире. Когда именно финиковая пальма появилась в данном районе, сказать трудно. По самым осторожным предположениям археологов, это произошло по крайней мере несколько тысяч лет назад. С тех пор она стала здесь неотъемлемой частью ландшафта.

В стране насчитывается около 34 миллионов пальм, из них добрая половина произрастает в окрестностях Басры, где для этого есть все условия: плодороднейшие аллювиальные почвы, в изобилии тепло и богатая илом вода. Как гласит арабская пословица, «финиковая пальма хорошо плодоносит, когда ноги ее в воде, а голова в огне».

В апреле наступает пора цветения, образуются воскового цвета метелочки, которые вплоть до осени растут и наливаются соком, впитывая золотистый жар южного солнца. Постепенно они превращаются в зеленые, а затем в светло-каштановые или янтарно-желтые (в зависимости от сорта) плоды, напоминающие по форме и размерам нашу мелкую сливу.

Пальма обычно плодоносит уже на четвертый год после посадки, но, как правило, чтобы не истощать преждевременно молодое деревцо, регулярный сбор плодов начинают через семь-восемь лет. В 80—90-летнем возрасте она «стареет» и перестает давать урожай.

Для арабов финиковая пальма — нечто большее, чем просто плодородное дерево. Она во многих случаях — источник существования. Финики служат одним из важных продуктов питания населения Арабского Востока и сырьем для приготовления сиропов и алкогольных напитков. Несозревшие плоды идут на корм скоту, древесина — на строительство и топливо, из листьев плетут циновки. Недаром этой пальме посвящена глава Корана, в честь нее слагались поэмы и песни, а ветвь ее издавна считается символом мира.

Сборщик фиников

В расфасовочном цехе фабрики по обработке фиников

В сентябре, когда ртутный столбик термометра подбегает к отметке 50° , самое жаркое время настает для сборщиков фиников. Подобрав полы длинной рубахи — дишдаша, они взбираются на ствол по выступам коры с помощью матерчатого пояса и широким, хорошо отточенным ножом срубают гроздья. Стоящие внизу женщины ловят падающие финики в полотнища и относят их в сторону. Наиболее нежные сорта бережно опускают на веревках.

Собранный урожай по оросительным каналам везут на фабрички, где проворные руки работниц тщательно сортируют финики, моют их, удаляют из столовых сортов косточки, прессуют и расфасовывают. Мне довелось побывать на довольно крупной фабрике, расположенной в местечке Сангара, неподалеку от Басры. Сюда продук-

ция доставляется уже в упакованном виде для фумигации (окуривания) и контроля над качеством.

В светлом зале по лентам транспортеров плитки в прозрачном целлофане непрерывным потоком движутся мимо специального аппарата, чутко реагирующего на присутствие металла, который может случайно попасть в пакеты. Джаляль Саят, служащий фабрики, заложил в один из них крошечный кусочек проволоки. Аппарат сработал мгновенно и преградил путь пакету специальной заслонкой.

После взвешивания финики, погруженные на вагонетки, вкатывают в огромную металлическую камеру с толстыми стенами, похожую на цилиндрическую цистерну. За герметически закрытыми дверьми их в течение 3 часов будут окуривать газом, убивающим все бактерии.

— Мало найдется плодов, которые могли бы по своим вкусовым качествам и питательности сравниться с иракскими финиками, — рассказывал Джаляль Саят. — Они богаты протеином, жирами, различными минеральными солями и кислотами, витаминами. В них больше калорий, чем в мясе, и значительно больше, чем в рыбе. В отдельных сортах содержится до 70 процентов сахара.

— Не удивительно, — подытожил Саят, — что доля иракских фиников на мировом рынке составляет почти 80 процентов.

Здесь же, на фабрике, мне показали партию, которую готовили для отправки в Советский Союз. Наши внешнеторговые организации закупают в Ираке лучшие столовые сорта — крупные, золотисто-коричневатые «халави» и красновато-коричневые «хадрави», меньшего размера, но очень вкусные «саер».

Перед Басрой открываются большие перспективы, она постепенно становится промышленным городом. В нескольких десятках километров от нее, в Северной Румейле, вошел в строй первый национальный нефтепромысел, сооруженный при техническом и экономическом содействии Советского Союза. И не случайно именно в Басру прибыла футбольная команда азербайджанских нефтяников для встречи с местными футболистами. Жители города по-братски приняли гостей с берегов Каспийского моря и на приеме в их честь говорили о необходимости дальнейшего укрепления дружбы между Баку и Басрой, портовыми городами-труженниками.

В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ

По утверждению историков, дорога между Ниневией, около развалин которой вырос Мосул, и Эрбилем, городами — ровесниками Вавилона, является одной из древнейших в мире. По ней за много веков до нашей эры войска правителей Месопотамии уходили завоевывать новые земли для приумножения богатств и славы своего государства, а касситские, хеттские и персидские солдаты угоняли пленных жителей Двуречья и вывозили трофеи.

Когда-то отрезок пути между Мосулом и Эрбилем составлял один из участков персидской «царской почты». Гонцы прищпоривали взмыленных лошадей, стремясь поскорее доставить срочные послания правителей сатрапам завоеванных Персией территорий. По свидетельству Геродота, «ни одно живое существо на земле не могло передвигаться так быстро, как гонцы персидских царей».

По этой же дороге проходили фаланги Александра Македонского, во времена Харуна ар-Рашида шли бесконечные караваны с драгоценными товарами в Багдад, а позже мчались косматые кони татаро-монголов.

Сейчас дорога покрыта асфальтом и снабжена обычными знаками, предупреждающими о крутых поворотах, подъемах и спусках. Лишь повторяющиеся через равные промежутки искусственного происхождения холмы, на которых прежде располагались сторожевые посты, выставлявшиеся теми, кто в тот или иной период владел данным районом, заставляют вспомнить о давно минувших временах.

Впервые по этому шоссе мне довелось проехать в марте 1969 года. На вершинах холмов виднелись огневые точки, сооруженные при помощи заполненных гравием четырехугольных бидонов из-под керосина. В амбразурах торчали стволы пулеметов. Въезды и выезды из придорожных населенных пунктов охранялись танками и бро-

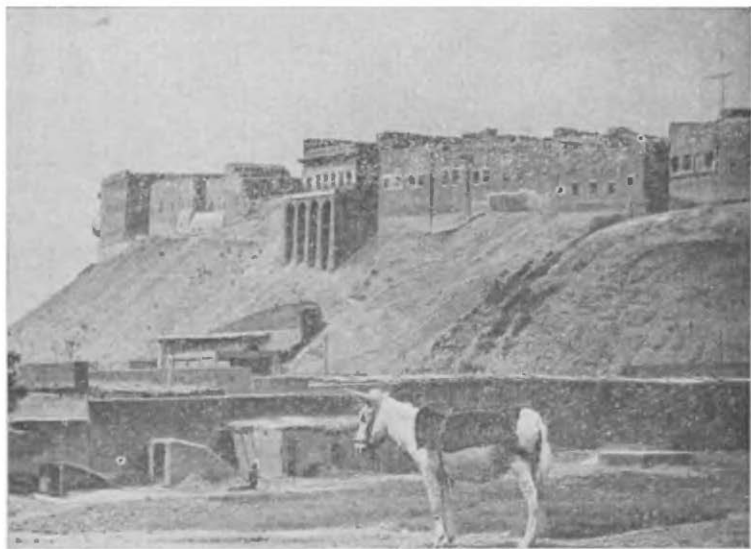
нетранспортерами. В кюветах валялись спирали проводов, упавших с подорванных телеграфных и телефонных столбов.

Словом, все как в прифронтовой зоне. Собственно говоря, это и была настоящая прифронтовая зона с ее тревожной жизнью, многочисленными патрулями и проверками документов на перекрестках. В то время на севере Ирака шли военные действия между правительственными войсками и пешмерга — отрядами курдского национального движения. Автомобилям разрешалось передвигаться только в дневное время и только колоннами, одиночки из городов не выпускались. Нашу колонну, направлявшуюся из Мосула в Эрбиль, возглавляли бронетранспортер и набитая до отказа солдатами грузовая машина, а замыкал ее грузовик с полицейскими, вооруженными пулеметами и автоматами.

Приблизительно на половине пути между этими городами начинаются курдские селения. Здесь уже часто попадаются местные жители в своей национальной одежде — мужчины в коротких куртках, просторных шароварах, подпоясанных широким матерчатым поясом, черно-белых или красно-белых (представители племени барзан) чалмах, женщины в разноцветных платьях с множеством блестящих украшений.

Эрбиль, вернее, его старая часть, занимавшая высокий плоский холм с покатыми склонами и окруженная крепостными стенами, виден за несколько километров.

Судьба древних городов сложилась по-разному. Одни, достигшие вершины богатства, славы и могущества, пали затем под ударами соперников и подверглись разрушению. О них человечеству напоминают легенды, эпиграфические материалы и, в лучшем случае, развалины. Другие, также ставшие жертвами вражеских нашествий, спустя многие десятилетия или столетия возрождались и иногда достигали еще большего расцвета, иногда же влачили жалкое существование и потом опять превращались в руины. В Эрбиле жизнь не прекращалась никогда. Точные сведения о том, кто и в каком столетии основал этот город, отсутствуют, однако известно, что еще в IX—VII веках до нашей эры Эрбиль наряду с Ашшуром, Ниневией и Калахом считался древним городом, в котором сохранялись храмы в честь богов царства Шумера и Аккада, возникшего в первой поло-

Крепость в Эрбиле

вине III тысячелетия до нашей эры. От Ашшура и Ниневии остались одни развалины — Эрбиль продолжает жить.

Археологи предполагают, что холм под старой частью города не был насыпан: в районе нет ни строительного камня, ни леса для обжига кирпича. Почти все строения, за исключением крупных культовых зданий и дворцов, сооружались из высушенных на солнце глиняных брусков. Стены и потолки делались очень толстыми, что обеспечивало прохладу в жару и тепло зимой.

Каждое лето дома, подвергавшиеся сильному воздействию осадков, приходилось ремонтировать. Для этого на крыши и стены наносились дополнительные слои глины. Поскольку отбросы вываливались прямо на улицы, поверхность последних постепенно повышалась, а чтобы дождевая вода и грязь не стекали в дома, на пол также накладывались все новые и новые глиняные слои. Когда же в конце концов эти непрочные строения разрушались, развалины не вывозились. Их разравнивали и превращали в фундаменты других строений.

Старые кварталы в Эрбиле

Таким образом, город с годами рос вверх сам по себе, на «собственных костях». Археологические работы, которые намечено провести здесь, возможно, дадут много интересных материалов по истории этого города, пережившего ассирийских, мидийских, персидских, греческих, парфянских, римских, монгольских и турецких правителей.

Приблизительно в 30 километрах к северу от Эрбиля, около селения Гавгамелы, 1 октября 331 года до нашей эры произошло сражение между войсками Александра Македонского и персидского царя Дария III Кодомана. Применяв искусный маневр и умело используя кавалерию, греки разгромили персов, имевших значительное численное преимущество, и проложили себе путь не только к Вавилону и другим городам Месопотамии, подвластным тогда Дарию, но и к территории собственно персидского государства. Это сражение, по отзыву Ф. Энгельса, было «наиболее славным для македонской конницы».

Побежденные бежали стремительно. Как писал английский историк Сэтон Ллойд, «царских гонцов, которым Геродот приписывал невероятную скорость, превзошли только сами персидские цари, покидая поля сражений». Когда наутро после битвы Александр во главе отряда всадников ворвался в Эрбиль, Дария уже и след простыл.

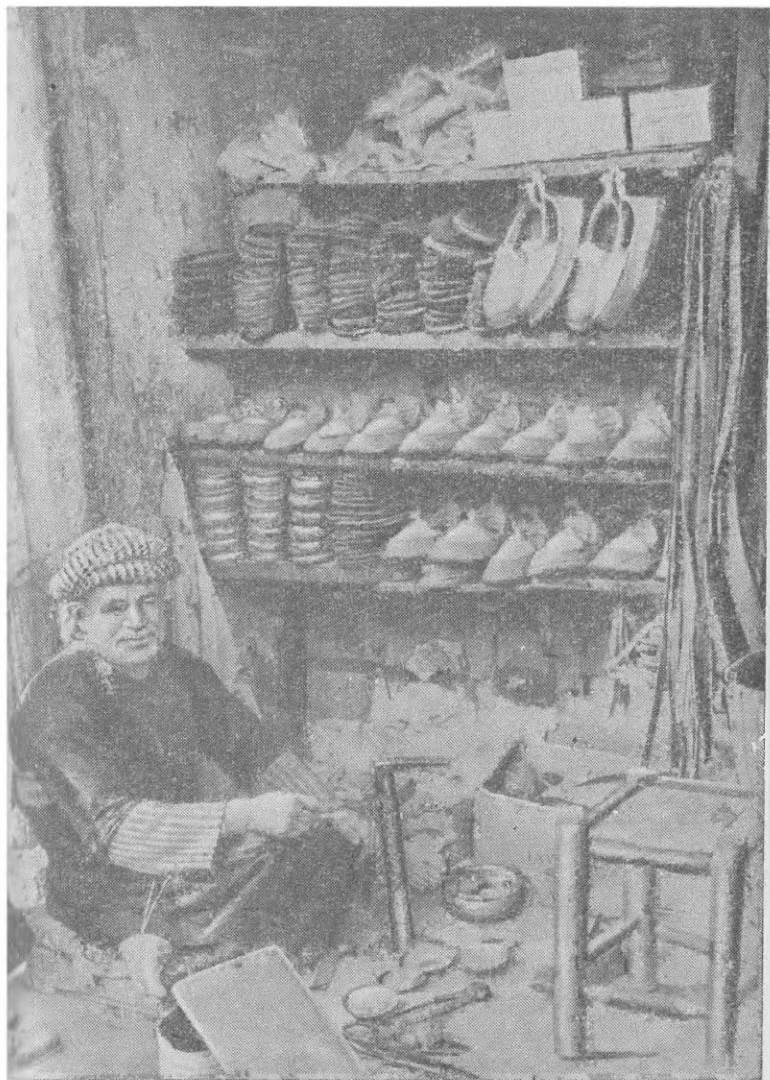
Высказывается мнение, что в Эрбиле родился известный курдский полководец Салах ад-Дин, прославившийся своими победами над крестоносцами. Курды называют этот город «Хаулерп»; принятое же название произошло от ассирийского «Арбаа иллу», что означает город «четырёх богов».

Некоторые постройки старых кварталов сравнительно хорошо сохранились, в них и сейчас живут люди. В крепостных стенах, частично превращенных в жилые помещения, пробиты окна и двери. Но немало тут и разрушенных домов. По развалинам их карабкаются местные ребятишки. Одни упорно стремятся попасть в объектив фотоаппарата, другие спешат спрятаться за ближайшим углом — туристы, да еще иностранные, здесь довольно редкие гости. Взрослые любят посидеть на крепостных стенах, с которых просматривается весь город с его предприятиями и лавочками, зданиями современной архитектуры и мечетями.

Даже на вершине сорокаметрового холма отчетливо слышен шум и гомон расположенного у самого подножия базара. В железном ряду, где, как обычно, торгуют замками и кастрюлями, гвоздями и изделиями из жести, продают также оружие — старинные сабли, кремневые ружья и пистолеты, заряжающиеся с дула, курдские кинжалы с изогнутым блестящим лезвием и рукоятью из рога буйвола, вложенные в ножны из черной кожи. Без такого кинжала, заткнутого за пояс, ни один уважающий себя курд, особенно в сельской местности, на людях не покажется.

В маленькой лавчонке мне попались на глаза настоящие тульские самовары, выстроенные вдоль стены. На их медных пузатых боках четко различались гирлянды медалей и фирменные клейма самоварных фабрик Баташева, Гольяпова, братьев Шемариных.

Дорога от Эрбиля на север ведет в исконно курдский район. В первый раз я попал туда в марте 1970 года на

Сапожник на базаре в Эрбиле

вертолете иракских военно-воздушных сил, совсем недавно участвовавшем в боях против отрядов пешмерга. С него еще даже не сняли устройства для запуска ракет. Сверху были хорошо видны воронки от бомб и артиллерийских снарядов, черные, выжженные напалмом пятна на зеленой поверхности земли.

В этом районе проживает более 2 миллионов курдов, составляющих приблизительно 20—25 процентов населения Ирака и имеющих свой язык, свою культуру и свои обычаи. Правительства, ранее находившиеся у власти, проводили по отношению к ним дискриминационную политику. Курдов лишали возможности учиться на родном языке, занимать административные посты, участвовать в политической и культурной жизни страны. Голод, нищета и болезни не оставляли их, и они в течение многих лет выступали с требованием национального равноправия и улучшения условий существования.

Особенно тяжелым было положение племени барзан, поднявшегося на борьбу летом 1943 года под руководством Мустафы Барзани. В августе 1945 года правительство Нури Саида бросило против них 20 тыс. солдат. Эта карательная кампания закончилась, как и предыдущая, поражением правительственных войск. На помощь карателям пришла английская авиация, и курдские патриоты были вынуждены покинуть страну. Они смогли вернуться на родину только в июле 1958 года, после провозглашения Ирака республикой.

Однако правительство Касема, пришедшее тогда к власти, не выполнило своих обещаний. Заявления о демократизации внутренней жизни страны оказались пустыми словами, вновь начались широкие военные действия против курдов. Касем объявил амнистию участникам освободительного движения и предложил переговоры его руководству, а затем приказал авиации сбросить бомбы на место, где должна была состояться встреча и куда иракские представители предусмотрительно не явились. Курдов, поверивших амнистии и сложивших оружие, арестовали и подвергли жестокой расправе.

Столь же вероломно поступали и другие правительства Ирака. Заключались перемирия, а затем войска обрушивали на курдские селения артиллерийский огонь и бомбы с воздуха, выжигали напалмом поля крестьян.

Но курдский народ не прекращал борьбы за автономию в рамках Иракской Республики. Активизировалась деятельность Демократической партии Курдистана, основанной в 1946 году, выросли организованность и опыт, окреп боевой дух участников национально-освободительного движения.

Сформированный в июле 1968 года кабинет Ахмеда Хасана Бакра более благоразумно подошел к решению курдской проблемы. Руководители государства поняли, что военные действия на севере страны приводят только к бессмысленной гибели людей, препятствуют решению задачи экономического развития, играют на руку внутренней и внешней реакции в ее стремлении разобщить иракский народ и тем самым ослабить его борьбу против израильской агрессии и происков империализма. Орган правящей партии — Арабского социалистического возрождения (Баас) — газета «Ас-Саура» писала, что от военных операций на севере пострадало не только курдское население: эти операции оторвали от мирной работы десятки тысяч арабских тружеников. Настала пора, подчеркивала газета, отказаться от разговоров о силе и слабости, победителях и побежденных и сосредоточить усилия на создании нового Ирака — Ирака и для арабов и для курдов.

11 марта 1970 года выступивший по Багдадскому радио президент республики, председатель Совета революционного командования Ахмед Хасан Бакр, сообщил о соглашении между иракским правительством и руководством Демократической партии Курдистана.

Оно предусматривало включение в конституцию статьи о том, что население Ирака состоит из двух равноправных национальных групп — арабов и курдов, предоставление последним возможности занимать государственные посты и участвовать в политической и общественной жизни страны, признание курдского языка наряду с арабским официальным для районов с курдским большинством, ускоренное проведение здесь аграрной реформы, оказание действенной помощи в развитии экономики и культуры, в частности расширение сети школ с преподаванием на курдском языке. Указывалось, что одним из вице-президентов республики должен быть курд.

На следующий день после выступления А. Х. Бакра на центральной площади Багдада ат-Тахрир (Освобож-

Представители курдских племен
в национальных одеждах

дение) был созван массовый митинг. Сюда пришли десятки тысяч арабов и курдов в праздничных национальных одеждах. Многие несли на руках детей. На трибуне находились иракские министры, лидеры Баас и Демократической партии Курдистана, сыновья Мустафы Барзани — Идрис и Махмуд.

В своих речах президент Ирака и заместитель председателя ДПК Махмуд Осман подчеркнули важность укрепления единства и консолидации всего народа для дальнейшего прогрессивного развития страны.

Спустя несколько дней, 21 марта, Ирак впервые отмечал курдский традиционный праздник весны — «ноу-руз» — как всеобщий национальный праздник. Заместитель председателя Совета революционного командования Саддам Хусейн и Махмуд Осман отправились в северные районы для участия в торжествах. На стадионе административного центра ливы (провинции) Сулеймания жители города и окрестных деревень устроили праздничное шествие. В одних рядах шли арабы и курды с транспа-

Курдский весенний праздник «ноуруз»
отмечается как национальный праздник всех иракцев

рантами, надписи на которых призывали к мирному урегулированию конфликта. Многие несли портреты жертв бессмысленной братоубийственной войны.

— Это наши погибшие близкие и друзья, — объяснили мне. — Мы хотим, чтобы и они присутствовали на этом празднике.

С трибуны, украшенной цветами и портретами Ахмеда Хасана Бакра и Мустафы Барзани, губернатор ливы Шукри Хадиси и представитель курдов Шефик Ага Ахмад говорили о желании и арабов и курдов трудиться рука об руку на благо единого Ирака. Затем на поле стадиона зазвучали национальные мелодии и в хороводах закружились девушки и парни.

Заключением соглашения о мирном и демократическом решении курдской проблемы был преодолен первый рубеж — достигнуто взаимопонимание между иракским правительством и курдской стороной. Прекращение военных действий создало условия для последующего осуществления всех пунктов соглашения.

Курдская деревушка

Обычным средством передвижения по Курдистану служит автомашина — железных дорог к северу от Эрбиля нет. Шоссе здесь круто зигзагами идет вниз. Кажется, что оно этими петлями хочет зацепиться за скалы, дабы замедлить стремительный спуск в долину. Отражаемое гранитными стенами эхо многократно повторяет и усиливает сигналы машин, предупреждающих о своем внезапном появлении из-за поворота, и отчаянно-пронзительный визг тормозов. Поверхность дороги сплошь исчерчена черными полосами, оставленными автопокрышками.

Далее шоссе пересекает вади — пересохшее русло реки, о котором напоминает лишь узенький ручеек. Спутники рассказывают о существовавшем когда-то курдском обычае. Крестьянин, сжав первый сноп нового урожая, предлагал его первому встречному. Дар полагалось принять, но его надо было оплатить несколькими монетами.

Словно отдохнув на равнине, дорога начинает взбираться вверх по склону очередного хребта. Ее можно было бы сравнить с зубцами гигантской наклонно поставленной расчески. На сравнительно коротком отрезке на-

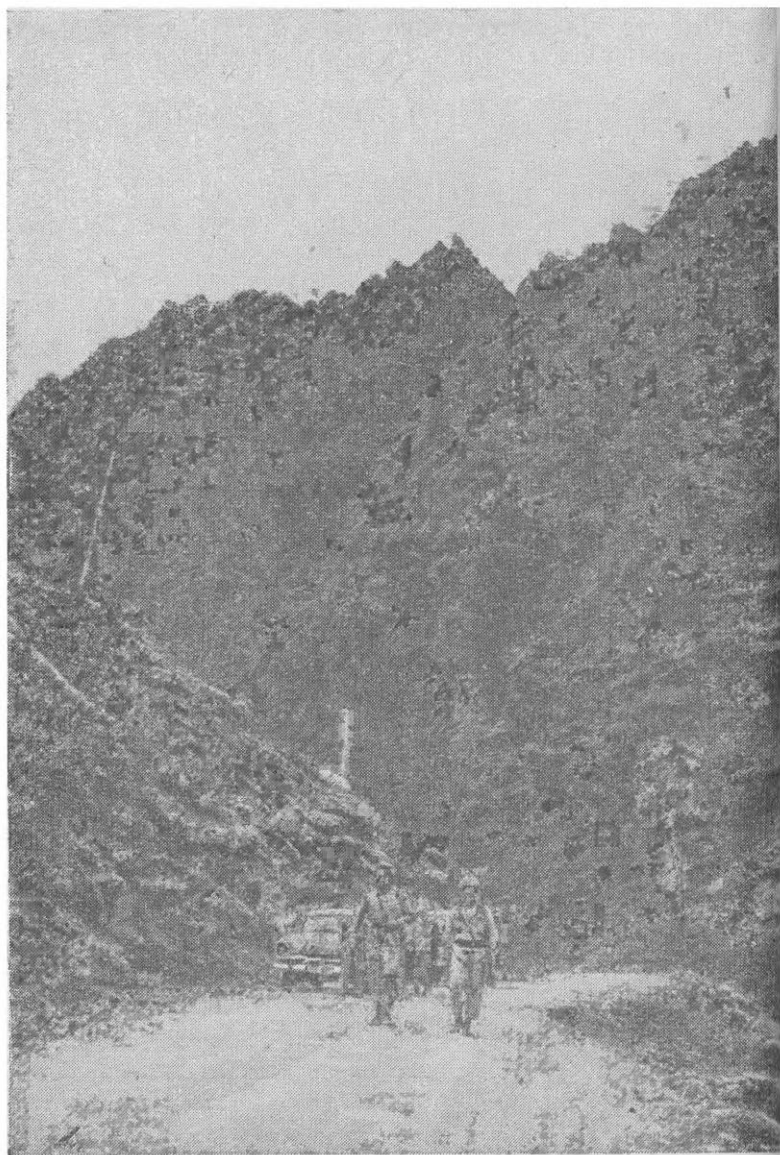
считывается 14 таких зубцов-поворотов. К счастью, на склоне нет ни скал, ни лесов и встречная автомашина видна издалека.

В зимние месяцы одна из вершин напоминает фигуру человека в шапке из снега, не тающего до самого лета. Курды очень метко называли эту вершину Пирмам — «снежный дядюшка». На перевале раскинулся живописный курортный городок Салах эд-Дин, из которого открывается чудесный вид на зеленеющие долины и сверкающие под голубым небом белые снеговые горы. Во время военных действий перевал охраняли танки, а курортные здания были превращены в солдатские казармы.

За Салах эд-Дином шоссе снова спускается вниз, а затем, миновав долину, опять устремляется ввысь. Справа остается скалистый кряж Сафин с многочисленными пещерами. Дорога приводит в Шаклаву. Здесь, под высокими тополями, затеняющими дворик чайхан, можно выпить стаканчик горячего чая, отдохнуть после головокружительных спусков и подъемов и набраться сил для дальнейшего пути. В маленьких бассейнах плавают, впитывая в себя прохладу воды из фонтанчиков, светло-зеленые арбузы.

После Шаклавы шоссе врывается в ущелье Гали Али Бег. По этому ущелью, протянувшемуся на 12 километров вдоль быстрой, седой от пены бесчисленных водопадов и водоворотов реки Ревандуз, издавна пролегла караванная тропа в Персию. Дорога перескакивает по узким мосткам через речку, проходит по самым ее берегам или над ее водами. Иногда она подбегает под скалы, если не может обогнуть их, и под низвергающиеся со стен ущелья водопады. Самый крупный из них — Кани бекейр, что в переводе означает «бесполезный источник»; и действительно, его воду некуда девать: земли для орошения в ущелье нет. Этот труднодоступный район всегда служил оплотом курдов в их борьбе против поработителей.

Курды никогда не мирились с ущемлением своих прав. После установления английского господства Курдистан стал одним из центров иракского антиимпериалистического движения. Весной 1919 г. начались широкие народные волнения, вызванные колонизаторской политикой англичан. Наиболее значительным было восста-

Дорога в Курдистане

ние в Сулеймании. Над административным зданием оккупационных властей был спущен английский флаг и поднято зеленое полотнище с красным полумесяцем. Курдские отряды одержали ряд важных побед, но в июле 1919 года вынуждены были сложить оружие. Только в районе Ревандуза борьба продолжалась до начала 1923 года. Курды еще не раз поднимались после этих событий.

Из Гали Али Бег шоссе выходит на равнину за городом Ревандузом, разместившимся на разделенных пропастями высоких скалах. Правители города, охранявшего вход в ущелье и выход из него, в прошлом контролировали не без выгоды для себя движение караванов. Здесь сохранились развалины крепостей и дворца слепого курдского полководца Кор Паши. В 1915 году в Ревандузе побывали русские войска, пытавшиеся через Гали Али Бег пробиться из Персии в Месопотамию.

От Ревандуза дорога сворачивает на восток и идет вдоль быстроводной речки Рубари-Балак. В теснящих ее скалах еще и сейчас видны заложенные камнями входы в пещеры, которые служили убежищем для населения деревень во время налетов иракской военной авиации. В долине реки расположен город Галала, неподалеку от которого во время боевых действий находилась штаб-квартира ДПК. Далее шоссе пересекает селение Навпардан. Тут в здании на самом берегу Рубари-Балак было подписано соглашение о мирном и демократическом урегулировании курдской проблемы.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ИРАКА

В одну из осенних ночей 1968 года в Багдадском аэропорту царил необычный для этого времени суток оживление. В здании аэровокзала и на прилегающей к нему площади собрались сотни жителей столицы. То особое возбуждение и приподнятость, которые охватывают людей в ожидании радостного события, как по цепочке передавались каждому из присутствующих. Иракцы пришли встретить возвращавшегося на родину после восьмилетнего отсутствия поэта Мухаммада Махди ал-Джавахири. Наконец в звездном небе появился самолет и через несколько томительных минут приземлился. По трапу медленно спустился высокий пожилой человек...

Имя ал-Джавахири, выдающегося поэта и общественного деятеля, известно не только в Ираке. Его стихи переведены на многие языки мира, в том числе и на русский. В нашей стране высоко ценят талант их создателя.

Мухаммад Махди ал-Джавахири родился в 1900 году в старинном городе Эн-Неджефе в семье богослова. Наставниками мальчика были знатоки классического арабского языка и литературы. Писать он начал рано и уже в юности успешно выступал со своими касыдами (поэмами) на состязаниях молодых поэтов.

Национальное восстание против английских захватчиков в 1920 году во многом определило дальнейшую судьбу и творческий путь ал-Джавахири. В поэме «Иракское восстание», написанной в 1921 году, он рассказал о сопротивлении жителей Эн-Неджефа натиску вражеских войск, подвергших город варварскому обстрелу.

Тема борьбы против колонизаторов и местной реакции развивается и в произведениях 30—40-х годов. Поэт гневно и беспощадно разоблачает прогнивший монархический режим, принесший народу Ирака нищету и бесправие.

Поэт Мухаммад Махди ал-Джавахири

В годы второй мировой войны в поэмах «Сталинград», «Севастополь» и других ал-Джавахири воспел героический подвиг советских людей, разгромивших полчища немецко-фашистских варваров. Первую, посвященную великой битве на Волге, он сам считает одним из лучших своих произведений. В касыде «Алам ал-Гад» («Мир будущего») подчеркивается мысль, что советское общество является прообразом общества будущего.

Ал-Джавахири убежден, что поэт должен находиться в самой гуще жизни и не вправе отмахиваться от жгучих проблем современности. Когда реакция запрещала печатать его стихи, он читал их на митингах и собраниях. Он возглавил временный национальный комитет движения сторонников мира, которое, несмотря на террор в стране, развернулось в конце 40-х—начале 50-х годов. Движение подверглось жестоким репрессиям, и ал-Джа-

вахри вынужден был эмигрировать, но вскоре он вернулся и снова занял место в первых рядах борцов за мир. В касыде, созданной в этот период, он осудил агрессивный Багдадский пакт; на англо-франко-израильское нападение на Египет (1956) откликнулся поэмой «Историческая битва», а произведением «День Алжира», появившимся в том же году, заклеил вмешательство империалистических держав в дела египетского и алжирского народов.

В 1960 году после выступления на первом майском митинге в Багдаде ал-Джавахри вторично должен был покинуть Ирак.

И только 14 октября 1968 года он вернулся домой. Годы лишений и изгнания не сломили духа поэта-трибуна, чьи произведения — своего рода летопись борьбы иракского народа за свободу и лучшее будущее.

Мне посчастливилось неоднократно встречаться с этим поэтом и замечательным человеком. Он охотно рассказывал о себе, о жизни в эмиграции, с теплотой говорил о посещении Советского Союза в 1962 году. В Москве на Конгрессе сторонников мира он читал свою касыду «Мои дети и дети мира».

Запомнились строки из этого произведения:

Вставай, кто проклят был, навстречу свисту пуль —
Тогда узнаешь о счастливой доле!
Иди туда, где жизнь твоим глазам предстанет,
Как честь, которую завоевали,
Или — в могилу: твой темный дом не лучше!

Безграничная любовь к родной стране и ненависть ко всякому угнетению пронизывают все творчество поэта. Ему принадлежат слова: «Служение народу Ирака — это смысл моей жизни».

Патриотические мотивы, призывы к борьбе за свободу страны и счастье ее народа отчетливо звучат сегодня как в произведениях маститых авторов, например Бахр ал-Улума, так и в стихах поэтов более молодого поколения, к которым принадлежит Аб-ал-Ваххаб ал-Байяти, пользующийся широкой популярностью не только в Ираке, но и за его пределами.

Активно работают в том же направлении местные прозаики. В двухтомном труде известного писателя Абд-ал-Илаха Ахмада «История иракской новеллы» с реали-

Большим спросом в Ираке
пользуется советская литература

стических позиций анализируются этапы развития национальной художественной литературы с начала XX века и до второй мировой войны, а затем с 40-х годов и до наших дней.

Огромное место в современной иракской прозе отводится теме дружбы с Советским Союзом. Особого внимания заслуживает книга курдского писателя Мухаммада Абд-ал-Карима «Великий Ленин», вышедшая на курдском языке. На обложке ее вязью выведено: «Великому вождю трудящихся всего мира, учителю, брату и товарищу посвящается». К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина издательство «Ат-Тарик ал-Джадид» выпустило в свет антологию «Иракские писатели о Ленине», объединившую статьи, очерки, стихи, рассказы и воспоминания. Эпиграфом к антологии взяты слова: «Ленинизм — это луч, озаряющий путь всех революционных борцов».

Актуальным проблемам современности, огромной роли Великого Октября в судьбах многих народов посвящена работа прогрессивного общественного и политиче-

ского деятеля Гадбана ас-Саада «Политика мирного сосуществования и свобода народов». Используя большой фактический материал, автор глубоко проанализировал суть политики мирного сосуществования государств с различным социальным строем, к которой с первых же дней победы социалистической революции в России призывал глава первой в мире республики рабочих и крестьян.

Высоко оценивая миролюбивую внешнюю политику Советского Союза, Гадбан ас-Саад подчеркивает, что идея мирного сосуществования отнюдь не означает безразличного отношения к национально-освободительному движению в развивающихся и колониальных странах. «Наоборот, — пишет он, — Советский Союз и другие социалистические государства оказывают всестороннюю помощь этим странам в их борьбе за социальный прогресс, против империализма и внутренней реакции».

Иракских писателей, равно как и деятелей искусства и науки, глубоко волнуют проблемы национальной культуры, путей ее развития и тесно связанные с ними вопросы преодоления экономической и культурной отсталости, создания собственных кадров специалистов: прогресс культуры невозможен без ликвидации неграмотности. Сегодня повсюду, в больших городах и самых маленьких деревушках, идет наступление на это страшное наследие колониального прошлого. Процент неграмотных еще довольно высок, несмотря на то что принят закон о всеобщем начальном обучении.

Нынешнее правительство уделяет особое внимание развитию и совершенствованию системы образования. С каждым годом растет число начальных и средних школ. В 1957/58 году их насчитывалось всего лишь 2215, а в 1969/70 — уже 6178. За последнее время только в одной провинции Багдада построены 162 школы. Значительные изменения произошли в высших учебных заведениях. Кроме крупнейшего Багдадского университета открыты университеты в Басре, Сулеймании, Мосуле. В 1969 году подвергся «иракизации» столичный университет Ал-Хикма, где долгие годы господствовали американские миссионеры. По решению Совета революционного командования осуществлена реорганизация Багдадского университета, крупнейшего вуза страны.

Великолепное впечатление производят новые здания

университета Мустансирия, гармонично сочетающие в своей архитектуре модернистские и традиционные национальные элементы.

От центрального входа к учебным корпусам и лабораториям ведет крытая галерея, где постоянно ощущается освежающее дуновение ветерка. В просторных аудиториях много света и воздуха, удобны кресла с небольшими столиками, вмонтированными в правый подлокотник.

Шумом и смехом наполняются коридоры и холлы во время перерыва. Бросается в глаза, что почти треть студентов — девушки. Сейчас даже семьи с относительно скромными доходами стремятся дать образование не только сыновьям, но и дочерям. Иракские девушки, тихие и застенчивые на багдадских улицах, здесь чувствуют себя вполне уверенно. В 1970 г. в Мустансирии занимались более 10 тысяч человек (в 1958 году число учащихся всех университетов составляло 8732).

В кафетерии, куда нас пригласили активисты студенческого союза, завязывается непринужденная беседа. «Хозяева» подробно рассказывают о своем досуге. В университете работают хореографические и драматические коллективы художественной самодеятельности. Ежегодно проводится общеуниверситетский фестиваль молодых талантов, и концерты обычно транслируются по столичному телевидению. Студенческий союз организует различные выставки, выпускает свой журнал, созывает митинги солидарности с борцами против империализма, колониализма и сионизма.

Заместитель директора университетской библиотеки г-жа Дотесам Абдал-ал-Кавим подвела нас к книжным стеллажам. Мы увидели «Философские тетради» Ленина, труды Луначарского, Шаумяна, произведения Н. Тихонова, М. Шолохова и других советских писателей. Представлены здесь и работы наших ориенталистов, посвященные новейшему периоду истории национально-освободительного движения народов Азии и Африки.

В прекрасном вместительном зале Мустансирии, изогнутая крыша которого напоминает стартовую дорожку гигантского лыжного трамплина, студенты с вниманием и интересом прослушали лекцию научного сотрудника Института востоковедения Академии наук СССР В. Ф. Ли

Багдадский университет Мустансирия

на тему «Советский Союз и национально-освободительное движение». Судя по характеру задаваемых вопросов (лектор отвечал на них в течение полутора часов), многие факты, связанные с борьбой Советского государства в защиту национальной свободы угнетенных народов, были совершенно неизвестны молодым арабам. После лекции юноши и девушки гурьбой провожали нас до центрального выхода и на прощание подарили комплект журнала «Голос студента».

Такие же сердечные встречи состоялись в редакциях ведущих иракских изданий «Ас-Саура», «Ал-Джумхурия», «Багдад Обсервер», «Ат-Таахи», «Сакафа ал-Джадида».

Крупным культурным центром страны является Иракская академия наук. Здесь ведется серьезная исследовательская работа по проблемам истории Ирака, иракской и арабской литературы. Установлены и укрепляются творческие связи с Академией наук СССР, с научными учреждениями социалистических государств. Генераль-

ный секретарь Академии профессор Юсеф Иззедин, побывавший в командировке в Софии, в содружестве с болгарским ученым подготовил публикацию оригинальных источников по истории ислама. В творческих планах иракских ученых — знакомство с рукописными сокровищами по арабистике, хранящимися в фондах СССР.

Советско-иракское соглашение о культурном сотрудничестве предусматривает активный обмен знаниями, практическим опытом, студентами, научными и культурными делегациями. В иракских университетах уже работают преподаватели, которые стажировались или обучались в советских вузах. В Мустансирии регулярно проходят практику наши студенты.

Советские востоковеды — всегда желанные гости в Ираке. Тепло принимали местные ученые Г. Ш. Шарбатова, А. А. Искендерова, Е. М. Примакова, В. Ф. Ли. Ректор Багдадского университета, медик по образованию, участник конгрессов, созывавшихся в СССР, профессор Абдель ал-Латиф Бедри высказывается за дальнейшее расширение контактов между иракскими и советскими научными организациями и учебными заведениями. «Мы высоко оцениваем помощь Советского Союза национально-освободительному движению, — говорит он. — Научные труды, которыми мы обмениваемся и будем обмениваться, не менее важное средство в борьбе против наших врагов, чем боевое оружие».

Заметное влияние на развитие современной иракской культуры и на формирование взглядов подрастающего поколения оказывает театральное искусство. Несмотря на то что в стране до сих пор еще нет профессионального театра, интерес к сценическому искусству, прежде всего у местной интеллигенции, чрезвычайно велик.

За последние годы умножилось число самодеятельных коллективов. Особую симпатию зрителей завоевали труппы Современного художественного театра и Национального театра. Пьеса «Ключ», написанная по мотивам иракского фольклора и поставленная режиссером Юсефом ал-Ани, историческая драма «Юль звонит в колокола» и пьеса «Нитка» получили признание зрителей. Успех выпал также на долю пьесы для детей «Ласточка» иракского драматурга Касема Мухаммада.

Как большое событие в театральной жизни страны было воспринято рождение в 1969 году нового коллек-

тива — «Ал-Яум». За сравнительно короткий отрезок времени артисты этой труппы показали ряд телеспектаклей, и среди них «Человек, потерявший обоняние» по пьесе Арефа Альвана — о борьбе палестинского народа за национальную свободу, «Игла и пламя» — об антианглийском восстании в 20-е годы. «Служение народу, достижение свободы и счастья» — таков лозунг молодых театральных коллективов страны.

Теми же целями руководствуется сегодня и национальная кинематография. Она еще очень молода — первый иракский цветной фильм «Навуходоносор» вышел на экраны страны лишь в 1964 году, — но уже прочно становится на ноги. Все чаще на экранах кинотеатров и по телевидению демонстрируются фильмы местного производства. Некоторые из них, например кинокартина «Ночной сторож», стали весьма популярными.

Значительной творческой удачей была признана работа молодого кинорежиссера, окончившего московский Всесоюзный государственный институт кинематографии, Гургиса Юсефа «Песнь о Гильгамеше» (по мотивам древнеиракского эпоса), повествующая о бессмертной силе человеческого духа. «Горькие апельсины» назвал Гургис Юсеф одну из своих последних кинолент, в которой показаны боевые будни арабских борцов Сопротивления.

Праздником иракского кино можно назвать состоявшийся в Багдаде в 1970 году фестиваль фильмов местных режиссеров и операторов — выпускников ВГИКа. Фестиваль проходил под девизом «За реализм в искусстве!». Все девять кинокартин, демонстрировавшихся в эти дни, свидетельствовали о стремлении их создателей к реалистическому отображению жизни. Трудно сказать, какой из фильмов следовало считать лучшим: каждый был хорош по-своему. Горячими аплодисментами наградили зрители кинокартину «Колесо и дети» режиссера Хади ал-Раун и оператора Аббаса ал-Шаляха о жизни, труде и быте простых иракцев. С не меньшим интересом смотрелись киноленты «Гнев» молодого режиссера Ази-за Хаддада и «Развлечение» Абд-ал-Карима Тарика.

Современное изобразительное искусство Ирака развивается в спорах между теми, кто старается правдиво воспроизводить действительность, творчески используя богатые национальные традиции, и теми, кто увлекается модными, модернистскими течениями. Однако большин-

ство местных художников привержены традиционному искусству и пишут в реалистической манере. Сегодня это направление возглавляют известный художник Фанк Хасан и представитель уже другого поколения — живописец Махмуд Сабри. Обращают на себя внимание произведения молодых мастеров кисти Адиба ал-Баттата, Шамсурддина Фариса, Самира ал-Байяти, Махмуда Ахмеда и др.

Очень большой популярностью в стране пользуются работы фотожурналиста Джасима аз-Зубейди. Объектив его аппарата с полным основанием приравнивают здесь к штыку и перу. Он выбирает, казалось бы, самые незамысловатые сюжеты — обыкновенная полевая ромашка в стволе винтовки или пожилой человек, сжимающий в патруженных руках автомат.

Тема справедливой войны и желанного мира, жизнь простого человека — излюбленная тема произведений аз-Зубейди. Многочисленные блестяще выполненные фотографии фиксируют эпизоды борьбы партизан на оккупированных Израилем территориях и быт палестинских беженцев, изгнанных с родных земель. На одной из фотографий крупным планом на фоне палаточного городка изображен плачущий арабский мальчик. И слезы малыша, и сам палаточный городок как бы символизируют горе и страдания людей, лишенных крова. На другой фотографии в неуютной брезентовой палатке молодая девушка-арабка проводит занятия с ребятишками.

Я спросил Джасима аз-Зубейди, как снимались эти кадры. «Побывав на территории, оккупированной израильтянами в результате июньской войны 1967 года, и в лагерях палестинских беженцев, — сказал он, — я увидел лишения, голод и кровь, но меня поразило другое — мужество и стойкость этих простых людей, волю которых не сломили ни лишения, ни голод, ни даже смерть близких. Пока мы дышим, говорили они мне, мы будем сражаться за право жить и трудиться на своей земле.

Жизнь и борьбу арабских патриотов я и старался как можно правдивее отразить. Зачастую снимать приходилось в тяжелых условиях — с фотоаппаратом в одной руке и автоматом — в другой. Снимок иногда бывает красноречивее всяких слов. Так пусть все знают, какой дорогой ценой дается народам мир, и пусть люди берегут этот мир».

Будущие балерины Ирака на уроке В. С. Зимины

Работы Джасима аз-Зубейди получили признание и за рубежом. Его фотографии удостоены золотой медали на международной выставке в Берлине. Тепло были встречены они и на выставке в Баку, во время проходившей в Азербайджане в 1972 году Недели иракской культуры.

В конце декабря 1969 года по приглашению министерства информации в Багдад для организации детской школы прибыли два советских балетмейстера — заслуженные артисты РСФСР Вера Михайловна Станкевич и Вениамин Сергеевич Зимин. Работа по отбору учеников была чрезвычайно кропотливой. Советские педагоги объездили всю страну и из 800 мальчиков и девочек признали годными для занятий 60. Были трудности и иного порядка — связанные с местными традициями. В Ираке девочки с малых лет носят абайю, а тут им предстояло выступать на виду у публики в балетных пачках... «Разъяснительные» беседы нужно было пропо-

дить не столько с будущими артистами, сколько с их родителями и родственниками.

И вот спустя два месяца состоялось официальное открытие.

«Дорогие гости! Сегодня мы покажем вам всего несколько букв нашей танцевальной азбуки. Пока эти буквы выводятся еще не очень уверенно, но пройдет время, они оформятся в настоящее искусство, которое будет называться иракским классическим балетом», — с такими словами Вера Михайловна Станкевич обратилась к тем, кто 24 февраля 1970 года пришел на первый в истории Ирака концерт классического танца первой в стране Государственной детской балетной школы.

Станкевич и Зимин сумели подготовить со своими маленькими питомцами несколько номеров. Девочки и мальчики под бурные аплодисменты присутствующих, среди которых находились родители и близкие юных артистов, показали движения у станка и закончили выступление полонезом. Фото- и кинорепортеры с удовольствием снимали на пленку этот необычный для Ирака концерт.

На следующий день местная газета «Багдад Обсервер» писала: «Мы благодарны советским педагогам и в их лице Советскому Союзу за искреннее желание помочь нашим детям познать мир прекрасного и создать первую в нашей стране национальную школу классического балета».

Приблизительно в то же время в Багдаде отмечали и двухлетие первой в Ираке Государственной детской музыкальной школы. Отзвенели последние звонки, улеглись волнения после очередных экзаменов, но к радости воспитанников школы примешивалась и некоторая грусть: предстояло расставание с преподавателями — советскими музыкантами, приложившими немало усилий, чтобы привить своим ученикам любовь к музыке.

Когда-то, на церемонии открытия школы, выпускник московской Государственной консерватории иракец Хусам Якуб сказал: «Очень приятно, что именно советские педагоги взяли на себя нелегкий труд — помочь нам создать свою национальную детскую музыкальную школу». Наши музыканты с честью справились с этой задачей.

Сейчас детскую музыкальную школу посещают, не только иракские дети, но и дети из других арабских стран. Обучение в классах струнных инструментов длится семь лет, в классах духовых и народных инструментов — пять.

В день проводов воспитанники школы по собственной инициативе устроили прощальный концерт. На сцену актового зала выходили маленькие пианисты, виолончелисты, скрипачи, кларнетисты и исполняли произведения Чайковского, Брамса, Шумана, Шопена, Хачатуряна, арабские и русские народные мелодии, продемонстрировав то, чему их научили педагоги. «Шукран джазилян (большое спасибо), дорогие советские учителя!» — говорили юные иракские музыканты своим первым преподавателям.

«Спасибо, Гамэр-ханум!» — так обычно благодарят в конце каждого занятия или концерта члены молодого танцевального коллектива «Багдад» своего балетмейстера, народную артистку СССР, лауреата Государственной премии Гамэр Алмас-заде. Она приехала в страну по приглашению иракского правительства, и в короткий срок ансамбль был создан. В нем наряду с мастерами со стажем танцует и отобранная советской актрисой молодежь, постигая нелегкое искусство. Гамэр-ханум, как любовно называют здесь известную азербайджанскую танцовщицу, часто просят поделиться опытом на страницах печати, выступить по Багдадскому телевидению.

Я имел счастливую возможность присутствовать на репетициях ансамбля и с восхищением наблюдал за Гамэр Алмас-заде, которая вкладывала в работу с его участниками буквально всю душу. Каждый поставленный ею танец любой (малый и большой) хореографический номер несут на себе печать ее огромного таланта, ее яркой творческой индивидуальности.

Программа ансамбля весьма разнообразна. В ней представлены арабские и курдские танцы, в основу которых положены современные и старинные самобытные элементы танцевального народного творчества, одноактный балет «Антар и Абля» по мотивам древнеарабской легенды, танцевальные картинки «Я — Ирак», «Багдадцы». Некоторые номера, например «Чоби» (свадебный танец), «Хача» (танец живота), «Ас-Сакка» («Разнос-

чик воды») и т. д., воспроизводят сценки быта и традиционного уклада жизни иракской деревни.

Местные и зарубежные (во время гастролей) зрители горячо принимали выступления ансамбля.

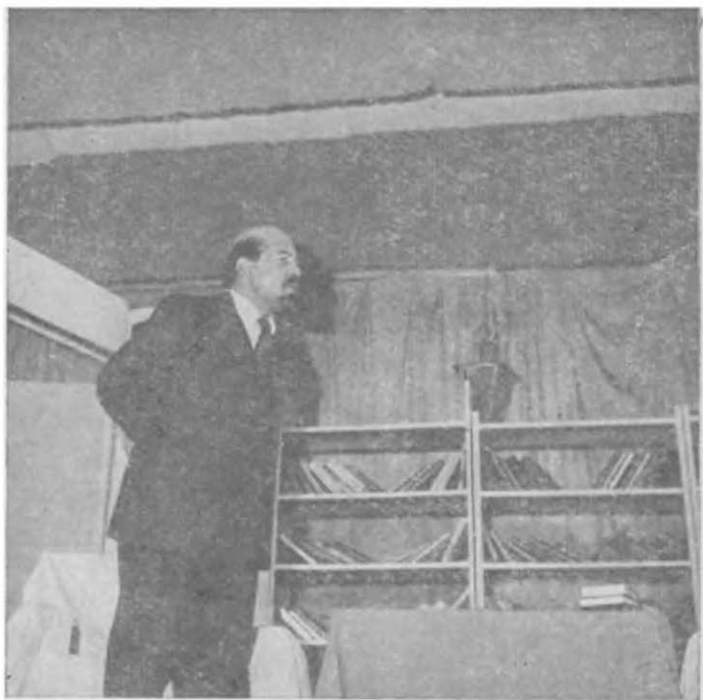
«Искусство Гамэр Алмас-заде красочно и ярко, — писал в журнале „Ас-Сакафа ал-Джадида“ известный режиссер и актер кино и театра Юсеф ал-Ани. — Советскую балерину отличает высокая культура и большой талант. Поставленные ею танцы покоряют зрителя яркими красками и отточенным мастерством исполнителей. Преодолев все трудности, она создала такой национальный ансамбль, подобный которому еще не видела местная сцена».

Огромный интерес проявляют иракцы к культуре советского народа, к произведениям советской и русской художественной литературы, к выходящим в СССР периодическим изданиям на арабском, русском и английском языках. Особым спросом пользуются книги А. П. Чехова, А. М. Горького, К. Симонова. Не случайно театральная труппа «Дружба» чаще всего ставит пьесы именно этих писателей. Здесь с успехом идут «Медведь» А. П. Чехова и «На дне» А. М. Горького.

Значительным событием явился показ фрагментов из пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты», переведенной на арабский язык писателем и драматургом Эдмоном Сабри. Впервые в истории арабского театра получил сценическое воплощение образ В. И. Ленина.

Перед началом спектакля режиссер Адиб ал-Калье-чи произнес вступительную речь. «Иракские работники искусств, — сказал он, — считают своим священным долгом вместе со всем прогрессивным человечеством достойно отметить столетие со дня рождения великого вождя трудящихся всего мира В. И. Ленина».

Премьера состоялась 9 мая, в День Победы. Зрительный зал буквально ломился от публики, люди заполнили даже проходы. Появление на сцене артиста Нуреддина Фариса, игравшего роль В. И. Ленина, было встречено бурей оваций. «Ленин, Ленин, Ленин», — скандировали присутствующие по окончании спектакля, вновь и вновь вызывая Нуреддина Фариса на сцену: «Я долго и упорно работал над этой ролью, — говорил он после премьеры. — Я знал, что на меня ложится огромная ответственность, и, не скрою, испытывал неопишемое волнение.

Артист Н. Фарис в роли В. И. Ленина

Я понимал, что мой долг, долг актера, обязывает меня внести свой вклад в общее дело служения тем бессмертным идеям, которые провозгласил Владимир Ильич.

Многие иракцы изучают русский язык. Сейчас в Багдаде русскую речь можно услышать в книжном магазине, кино, просто на улице. Бывает, что на вопрос, заданный прохожему на арабском или английском языках, получаешь ответ на русском.

Абдель Гани, один из моих друзей, говорил: «Русский язык очень богат, и я изучаю его для того, чтобы ближе познакомиться с достижениями советского народа, проникнуть в огромный и прекрасный мир русской и советской литературы».

...В один из вечеров трибуны багдадского стадиона «Аш-Шааб» были забиты до отказа: шел матч между

иракскими и немецкими футболистами. Зрители вели себя весьма активно. Вскочив на сиденья, они громкими возгласами подбадривали игроков своей команды; самые темпераментные болельщики самозабвенно кружились в импровизированном танце. Подходил к концу второй тайм. Столичные футболисты молодежной сборной выигрывали у команды Германской Демократической Республики со счетом 2 : 0... За несколько минут до финального свистка нападающий Фаллях Хачам, автор двух предыдущих голов, в результате красиво разыгранной комбинации забил под оглушительные аплодисменты стадиона третий гол в ворота соперников.

Подобного успеха местные футболисты в играх против сильных зарубежных команд еще не добивались. Созданная незадолго до того молодежная команда Багдада, имена игроков которой ничего не говорили даже самым искушенным болельщикам, одержала убедительную победу над основным составом сборной ГДР, за которую выступали такие заслуженные мастера мяча, как Урбанчик, Фогель, Фройсдорф, Френцель и Крой.

После встречи зрители бросились качать иракских спортсменов и их наставника — советского тренера, кандидата педагогических наук Юрия Петровича Ильичева, которого здесь называют просто «доктор Юра». Столичная газета «Ас-Саура» на следующий день после матча так и писала: «Горячий и искренний привет доктору Юре, много сделавшему для победы!».

Выигрыш багдадской команды не был случайным. В тот период в страну приезжали помимо сборной ГДР несколько известных зарубежных команд, встречавшихся с местными футболистами. Эти игры явились серьезным экзаменом для молодежной столичной команды, и она его довольно успешно выдержала: сыграла вничью с олимпийской сборной Польши, с экс-чемпионом Югославии командой «Сараево» и со счетом 1 : 0 выиграла у сборной Корейской Народно-Демократической Республики, за которую выступали шесть участников чемпионата мира по футболу в Лондоне.

Путь багдадской молодежной к первым международным встречам с хорошо подготовленными соперниками, имевшими богатый опыт, был нелегким. Футбол в Ираке достаточно популярен, но пока еще отнюдь не массовый вид спорта. Лишь у отдельных команд — вооруженных

сил, полиции, служащих почт, телеграфа и телефонной связи, управления железных дорог, крупнейших городов страны — есть условия для проведения регулярных тренировок под руководством постоянных тренеров. «Дворовые», или «дикие», команды, существующие исключительно на энтузиазме участников, погоды, естественно, не делают.

В стране мало полей, отвечающих даже самым минимальным требованиям современного футбола, и крайне мало квалифицированных тренеров. Обычно в этой роли выступают бывшие игроки, а они в большинстве своем не имеют ни теоретической, ни методической подготовки, ни специального образования. Только некоторые из них окончили краткосрочные курсы за границей: местные учебные заведения специалистов по футболу не готовят. Раньше здесь работали иностранные тренеры, в основном из западных государств, однако ощутимой пользы иракскому футболу они не принесли.

В розыгрыше Большого кубка страны, насчитывающей более 10 миллионов населения, участвовали, как правило, 15—18 команд, а спор за первенство практически велся между командами вооруженных сил и полиции. Почти все команды к тому же неизменно придерживались устаревшей системы игры 4 — 2 — 4, которая считалась здесь «последним достижением» футбольной тактики.

Приехавшим в Ирак советским тренерам Юрию Петровичу Ильичеву и бывшему игроку московского «Локомотива» Виталию Сергеевичу Артемьеву пришлось решать сразу много трудных вопросов. Юрию Петровичу было поручено создание молодежной сборной из гражданских клубов столицы, а Виталию Сергеевичу — детской и юношеской команд. Из сотен кандидатов, пожелавших учиться у советских тренеров, были отобраны самые способные.

Одновременно Ю. П. Ильичев и В. С. Артемьев по просьбе Федерации футбола Ирака создавали курсы тренеров и стали преподавать на них. Кроме того, уже по просьбе министерства просвещения они организовали семинар для преподавателей физического воспитания местных учебных заведений.

Днем наши специалисты проводили тренировки на футбольных полях, вечерами читали лекции слушателям

курсов и семинаров, а после готовились к очередным тренировкам и занятиям. Шли дни. Молодые футболисты осваивали технические приемы, учились менять тактику в зависимости от ситуации на поле, играть коллективно. Не просто было иногда убедить игроков отказаться от привычных технических схем и методов индивидуальной игры.

Когда воспитанники «доктора Юры» начали выступать против сильнейших команд страны, их признали даже самые отъявленные скептики. Затем им доверили защищать честь страны в международных товарищеских встречах, а сейчас игроки молодежной сборной Багдада составляют костяк национальной футбольной команды.

После первых успехов работы у советских мастеров прибавилось. Юрий Петрович стал еще тренером сборной армии и старшим тренером сборной Ирака, вторым ее тренером приглашен Виталий Артемьев. И оба они обучали тренеров сборных команд провинций страны.

ПЛОДЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Под песками пустынь южной части Ирака, под холмами и горами севера страны скрыты богатейшие залежи полезных ископаемых. По подсчетам геологов, запасы нефти тут составляют около 4,3 миллиарда тонн, природного газа — более 525 миллиардов кубических тонн, фосфоритов — свыше миллиарда тонн. Месторождения в районе города Рутба выдвигают Ирак на одно из первых мест в мире по запасам этого сырья. Южнее Мосула открыты залежи природной серы (около 500 миллионов тонн). Входящая в число ее главных поставщиков, Сицилия располагает лишь 100 миллионами тонн. Неподалеку от Рутбы найдены месторождения кварцевых песков, пригодных для производства высококачественного стекла. Страна обладает запасами железной руды, доломитов, гипса. На севере предполагается наличие свинца, цинка, меди, хрома, марганца, а также серебра и золота.

К Ираку издавна протягивали руки многочисленные претенденты на установление здесь своего господства. Лорд Керзон, например, заявлял, что «граница Индии проходит по Евфрату» (Индия тогда была еще колонией Англии). Германия, в свою очередь, выдвинула проект строительства на территории Двуречья стратегической железной дороги Берлин — Стамбул — Багдад, связывающей Европу с побережьем Персидского залива. Ей даже удалось получить концессию на прокладку этой дороги и начать ее сооружение. Немцы первыми добились сначала права на разведку и добычу полезных ископаемых в двадцатикилометровой полосе по обе стороны железной дороги, а затем и в других районах Двуречья. В годы королевского правления развитые капиталистические государства, в первую очередь Англия, опутали страну сетью неравноправных соглашений и договоров, лишили малейшей возможности создавать жиз-

ненно важные отрасли промышленности и превратили ее в поставщика сырья и рынок сбыта готовой продукции.

Ввозилось буквально все — от швейных игл до медикаментов и от стекла до электротоваров. Машинная иностранная продукция экспортировалась в Ирак по более низким ценам, чем местные кустарные изделия, что приводило к ликвидации отраслей местной кустарной промышленности, не выдерживавшей конкуренции.

Пришедшее к власти в результате июльской революции 1958 года республиканское правительство выдвинуло программу промышленного развития страны, направленную на становление и подъем независимой национальной экономики. Искренними, бескорыстными друзьями иракского народа в его борьбе за решение поставленной задачи проявили себя социалистические государства.

В марте 1959 года между СССР и молодой Иракской Республикой было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, по которому Советский Союз обязался оказать содействие в строительстве ряда крупных предприятий машиностроительной, химической, пищевой и легкой промышленности, оросительных и транспортных сооружений, в организации изыскательских работ и на льготных условиях предоставил кредит. В том же году между двумя странами было заключено соглашение о культурном сотрудничестве, главной целью которого была помощь Ираку в подготовке национальных кадров. Торговые, экономические и культурные соглашения, основанные на дружбе, взаимной выгоде и равноправии, были подписаны и с другими социалистическими странами.

Спустя некоторое время в советских проектных институтах и бюро на листы ватманской бумаги легли наброски объектов, которые предстояло создать в Ираке; туда приехали и установили первые колышки на строительных участках и трассах группы советских инженеров, техников, ирригаторов, железнодорожников.

Превратить вычерченные на листах проекты в реальные заводы, фабрики, дороги — задача всегда нелегкая. Но особенно сложно было осуществить ее в Ираке, где в летние месяцы ртутный столбик термометра надолго замирает на отметке 50° и ветер гонит из пустынь мельчайший песок, забивающийся в нос, глаза, уши, рот, где

зима несет с собой промозглую, прохватывающую до костей сырость, а весна — разливы рек.

Впрочем, трудности были связаны не только с тяжелым климатом. На стройки приходили, как правило, неграмотные крестьяне-феллахи, не умевшие написать свою фамилию и, разумеется, совершенно незнакомые с техникой. В советских институтах и техникумах уже занимались иракские юноши и девушки, они проходили практику на предприятиях Москвы, Ленинграда, Киева и других городов СССР, но техника, которая прибывала на объекты, не могла ждать, не могла простаивать. Выход был один — обучать иракцев непосредственно на рабочем месте.

Сегодня за станками и у пультов управления на заводах и фабриках, созданных при экономическом и техническом содействии Советского Союза, работают многие из тех, кто начинал сооружение этих объектов с рытья траншей и котлованов под фундаменты, а затем возводил стены цехов и монтировал оборудование. Так было найдено частичное решение важнейшего вопроса индустриализации Ирака — подготовки национальных кадров.

В стране проводится аграрная реформа. Часть земли, принадлежавшей ранее феодалам, передается феллахам и государственным кооперативам. Соха отходит в прошлое, для обработки земель нужна новая техника, а для ее производства — сталь, которая в Ираке не выплавлялась...

С самого утра 26 октября 1971 года в электролитейном цехе завода сельскохозяйственных машин, строившегося в городе Искендерия с помощью и по проектам советских специалистов, царил оживление. Уже проверены и опробованы механизмы электропечи, краны для транспортировки ковша с расплавленной сталью и опоки для отливки будущих деталей. Закончена завалка шихтовых материалов. Подается напряжение, и между массивными графитовыми электродами и шахтой вспыхивает вольтова дуга. Первую плавку вел Виктор Аперкутин, мастер одесского завода имени Октябрьской революции. Ему помогал иракец Риад, выпускник училища в Багдаде, который проходил на заводе практику, готовясь к самостоятельной работе.

Советские металлурги пригласили к пульту управления печью генерального директора Иракской государст-

венной компании по производству сельскохозяйственных машин Хасана ал-Рауи. Он повернул небольшой штурвал, печь наклонилась, и первая иракская сталь под аплодисменты и приветственные возгласы присутствующих хлынула в ковш. Тут же рядом с печью отдали дань традиции — зарезали барана.

Из стали этой плавки были отлиты памятные таблички с изображением государственных флагов Советского Союза и Иракской Республики и надписью по-русски и по-арабски: «Первая сталь. Искендерия». Здесь, как отмечали на следующий день газеты, положено начало сталелитейной промышленности страны.

От складов одного из столичных заводов отходят железнодорожные вагоны с готовой продукцией. В этом, казалось бы, нет ничего примечательного, если бы не указатели на некоторых контейнерах: «Получатель — Арабская Республика Египет. Отправитель — Электромеханический завод в Багдаде. Иракская Республика».

Еще не так давно на всей электротехнической аппаратуре, продаваемой на местном рынке, стояли фабричные марки самых различных государств мира. И вот сооруженный при техническом содействии Советского Союза первенец электротехнической промышленности Ирака выпускает более двадцати наименований изделий. Он не только снабжает собственные предприятия силовыми трансформаторами, электродвигателями и электронасосами, но и экспортирует часть своей продукции в другие страны.

Возможно, что контейнеры с этой продукцией будут направлены в порт Басра по новой железной дороге. Перед открытием последней я проехал по ней в кабине тепловоза с Л. И. Кончаковским, руководителем группы советских железнодорожников, и Рифаи Хадидом, главным инженером департамента железных дорог республики. То была заключительная инспекционная поездка, а теперь по дороге, построенной по проекту и при технической помощи советских специалистов, наладилось регулярное движение. Мощные тепловозы, ведущие тяжеловесные составы, пришли на место «кукушек», тащивших по узкоколейке небольшие, словно игрушечные, вагончики. Время, нужное для того, чтобы преодолеть расстояние между столицей и крупнейшим портом страны,

Бывшие крестьянки стали работницами
чулочного-трикотажного комбината в Куте

сократилось почти в 2 раза, интенсивность движения возросла тоже в 2 раза, а объем товарных перевозок — в 3 раза.

За этими сухими цифрами скрыта напряженная работа в пустыне и в топях озера Хор-эль-Хамар. Сейчас уже все трудности позади. В этом заслуга иракских строителей и их советских коллег — волгоградского инженера М. Н. Булыгина, Л. И. Кончаковского, принесшего сюда опыт, полученный на прокладке дорог Москва — Донбасс, Киров — Пермь, и многих других наших специалистов.

В самые первые дни 1972 года цехи стекольного завода в городе Рамади украсились государственными флагами СССР и Иракской Республики, лозунгами «Да здравствует иракско-советская дружба!», «Пусть растет и ширится дружба между иракским и советским

народами!». 6 января, на семь месяцев раньше срока, дала продукцию вторая очередь завода. Прежде Ирак полностью ввозил стекло из-за границы. Ввод в строй первой очереди в 1970 году позволил начать выпуск листового стекла, а потом ассортимент стеклянных изделий значительно расширился. Строительство стекольного завода, подчеркнул на митинге министр промышленности Ирака Таха Джазрауи, служит ярким примером иракско-советской дружбы и крепнущего экономического сотрудничества.

Витрины и прилавки магазинов Багдада и прочих городов Ирака предлагают покупателям много красивых и добротных вещей из шерсти и трикотажа местного производства, в частности изготовленных на чулочно-трикотажной фабрике в городе Куте.

— На нашей фабрике, одной из крупнейших среди предприятий подобного рода на Ближнем Востоке, советских специалистов уже нет, — рассказывал мне ее директор Мухаммад ал-Шарифи. — Но именно они, наши друзья, к которым мы испытываем чувство глубокой благодарности, помогли построить эту фабрику и научили нас работать на станках. Мы выпускаем более 10 миллионов различных изделий в год и надеемся выпускать еще больше в будущем. Наша продукция поступает не только на местный рынок; хорошее качество и умеренные цены обеспечивают ей покупателей и в других странах. Мы надеемся, — добавил с улыбкой ал-Шарифи, — что она найдет спрос и у ваших потребителей.

В просторном цехе, освещенном лампами дневного света, ровно гудят ткацкие станки с марками московских предприятий, поглощая с разноцветных шпулей шерстяную и акриловую пряжу. Между рядами уверенно расхаживают молодые арабки в аккуратных халатах и косынках, они регулируют работу станков. А ведь совсем недавно многие из них работали в поле, испуганно прикрывая лицо складками абайи при приближении посторонних.

Связанные на машинах рукава, спинки, воротники будущих джемперов, кофт и блуз поступают в распоряжение швей. Их проворные руки превращают заготовки в законченное изделие, к которым после контроля прикрепляются красочные ярлыки: «Сделано в Ираке. Чулочно-трикотажная фабрика в Куте».

В цехе ко мне подошел молодой араб и на довольно хорошем русском представился: «Аднан Саид, мастер этого цеха». Мы разговорились, и я узнал, что Аднан Саид работал здесь еще тогда, когда фабрика только создавалась: начинал разнорабочим, рыл котлован под фундамент. Потом около года проходил практику на одном из текстильных предприятий в Ленинграде, у Дмитрия Евгеньевича Леонова. Саид произнес имя, отчество и фамилию своего учителя с подчеркнутым уважением. Да, конечно, с удовольствием поехал бы в СССР опять, чтобы пройти полный курс текстильного института.

Людей с биографией, аналогичной (с некоторыми вариантами) биографии моего собеседника, в Ираке немало. В городе Самарра, например, я познакомился с Мухаммадом Саидом, окончившим Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. Ныне он сменный мастер водоочистительной станции.

Цену воде лучше всего знают, наверно, в странах юга. Именно наличие ее было решающим условием при выборе места для закладки города или деревни. Заиливался канал, изменяла свое русло река, и все отправлялись на поиски новых источников, бросая старые места.

Прошли тоды. Люди научились добывать пресную воду из соленой, прорывать глубочайшие колодцы, прокладывать водопроводы на большие расстояния. Но привитое веками уважение к воде осталось. И сейчас в любом иракском городе увидишь посетителей кафе, сидящих за столиками со стаканом простой воды. Даже в фешенебельных багдадских ресторанах, где не особенно пекутся о сохранении восточных обычаев, один неизменно соблюдается — прежде чем у посетителя примут заказ, ему принесут стакан холодной воды...

Стрелка спидометра приближается к отметке «100 километров». Дорога пустынна, как сама пустыня. Где-то впереди над блестящим асфальтом повисает в колеблющихся струйках воздуха встречная автомашина. По мере приближения она «приземляется» и спустя несколько секунд с ревом (в пустыне водители тихо ездить не любят) проносится мимо. В стороне появляется немного размытое, словно на неудачной фотографии, а затем исчезает озеро со склонившимися над ним пальмами. Знаешь, что и «висящая» машина, и озеро с пальмами — обман зрения, но видишь это совершенно отчетливо. Промелькну-

Спиралевидный минарет Пятничной мечети

ла автомашина, растаял мираж, и снова по обочинам дороги лишь безграничные рыжие пески. Ни травинки, ни деревца. После нескольких часов такой езды начинает казаться, что стоишь на месте, хотя стрелка спидометра по-прежнему не сходит с отметки «100». Однообразие пустыни уничтожило ощущение движения.

Вот в подобной поездке, когда пить хочется не только от жары, но от вида бесконечных, пышущих жаром песков, с вождением думаешь о стакане чистой и холодной воды. У деревушек или на оживленном перекрестке у дороги часто попадаются небольшие глинобитные строения. Здесь под навесом, образуемым циновками из листьев финиковой пальмы, можно перекусить и утолить жажду. Приветливый хозяин поднимает крышку деревянного оцинкованного изнутри ящика и предложит вам охлажденные напитки «миринда», «пепси-кола», «синалко». Можно попросить и обыкновенной воды, но она ли-

бо доставлена сюда в бочках или цистернах, либо долго шла по трубам и сильно отдает железом.

Мне все же удалось отведать в Ираке прозрачную и отменного вкуса воду, причем вовсе не из горных родников... Многие сотни лет верным ориентиром для нахождения пути к Самарре, некогда столице Аббасидского халифата, служил спиралевидный минарет Пятничной мечети, относящийся к IX веку до нашей эры. Он и сейчас еще поднимается на высоту 52 метра. Однако сегодня более надежным ориентиром являются выросшие на окраине города трубы и светлые здания завода антибиотиков и фармпрепаратов, первого предприятия фармацевтической промышленности Ирака. Один из «цехов» этого завода — водоочистительная станция. Полноводный Тигр, размывая собственные берега, набирает множество примесей. И если где-нибудь в среднем или нижнем течении погрузить в него на некоторое время руку, она вскоре покрывается слоем тончайшего ила. Пить такую воду без ущерба для здоровья можно лишь после тщательной очистки.

В помещениях станции тихо, слышен только мягкий звук журчащей воды. Сначала она поступает из реки в огромные, похожие на гигантские воронки отстойники. Наиболее тяжелые частицы примесей оседают в нижней, суженной части бассейна, а несколько посветлевший поток, перелившись через края отстойника, проходит дальше сквозь сложную систему фильтров из крупного и мелкого гравия, из кварцевого песка и подвергается двукратному хлорированию.

Я пробыл на станции около часа, и в конце осмотра мне предложили попробовать готовую «продукцию» — чистейшую воду, ничем по вкусу и прозрачности не отличающуюся от родниковой.

— Жители Самарры, — сказал Мухаммад Саид, — получили за этот час около 1,5 тысячи кубических метров такой воды.

В операторской комнате, где он дежурил, на пультах управления перемигивались огоньки и вздрагивали стрелки контрольно-измерительных приборов. Иногда мастер менял положение того или иного переключателя, и тогда, повинаясь движению его руки, меняли режим работы электромоторы, насосы, заслонки водопроводов. Всего один человек с помощью нескольких подсобников

обеспечивал работу всей станции, построенной по проектам советских специалистов и оборудованной аппаратурой советского производства. Если Мухаммад Саид следил за «объемом» продукции, то «качество» ее контролировала лаборатория, где бразды правления находились в руках недавней выпускницы химического факультета МГУ Валентины Вобликовой. Под ее руководством сотрудники лаборатории — иракцы, учившиеся в местных и советских учебных заведениях, каждый час берут на анализ воду на различных стадиях ее очистки.

Одно лишь перечисление объектов, созданных при содействии Советского Союза в Ираке, составит длинный список. В нем будет назван крупнейший на Ближнем Востоке радиоцентр, атомный реактор, завод по производству железобетонных шпал, столичная автоматическая телефонная станция, швейная фабрика, консервный завод, элеваторы и многие другие предприятия. На дорогах страны грузы и пассажиров перевозят тысячи автомобилей, а на полях работают тысячи тракторов, комбайнов и прочих сельскохозяйственных машин, сделанных в СССР.

В стране практически нет ни одного более или менее крупного города, где бы не строилось, не было уже построено или не намечалось строительство предприятий при содействии социалистических государств. Так, главные «воздушные ворота» Ирака — Багдадский международный аэропорт, отвечающий всем современным требованиям, сооружен при техническом содействии Болгарии. Болгарские специалисты помогают бурить нефтескважины, возводить мосты и дороги на севере и строить ирригационные сооружения в районе Диалы, в центральной части Ирака. Огромные болгарские автотрейлеры из рифленого алюминия то и дело встречаются на улицах Багдада. Они доставляют сюда прямо из Софии продукты питания, машины и оборудование и вывозят финики, хлопок, шкуры и кожи. В местных магазинах охотно раскупается томатная паста, изготовленная на построенной при содействии Болгарии фабрике в Нумании. Такая же фабрика должна быть пущена в городе Бакуба.

Ощутимым вкладом Польши в развитие национальной иракской экономики была помощь в налаживании разработки месторождений природной серы в районе Мишрака, в 45 километрах к югу от Мосула. В январе

1972 года состоялось официальное открытие. На первом этапе здесь будут ежегодно добывать 350 тысяч тонн серы, а с вводом в эксплуатацию второй очереди — 1,5 миллиона тонн. В самом Мосуле польская организация «Цекоп» осуществляет модернизацию сахарного завода, что позволит увеличить выпуск его продукции в 5 раз.

Германская Демократическая Республика принимает участие в развитии ряда отраслей иракского народного хозяйства. Она построила элеваторы для хранения риса с предварительной сушкой зерна в ливах (провинциях) Дивания, Хилла, Амара и Диала. При ее содействии создается фабрика консервной тары в Нумании. Внешнеторговые организации ГДР поставляют Ираку ткацкие, полиграфические и землеройные машины, электрооборудование, которое используется для электрификации сельской местности. Немецкие специалисты будут консультировать сооружение верфи в Басре, способной ремонтировать и строить многотоннажные суда.

Помощь в проведении геологоразведочных работ и возведении завода по производству ацетиленового газа для морских и речных буев в Басре оказывает Венгрия. Будапештские конструкторские бюро готовят проекты строительства теплоэлектростанций и фабрики синтетического полотна.

Венгерские «икарусы» почти полностью вытеснили с багдадских автобусных линий неуклюжие двухэтажные английские «лейланды».

При техническом содействии Чехословакии осуществляется сооружение нефтеперерабатывающих заводов в Басре и Шуэйбе.

В ряде случаев промышленные объекты в Ираке свидетельствуют об участии в их создании нескольких социалистических стран. Например, по упоминавшейся уже железной дороге Багдад — Басра, проложенной с помощью Советского Союза, ходят польские вагоны и чехословацкие тепловозы. На заводе антибиотиков и фармацевтических препаратов в Самарре отдельные агрегаты изготовлены в Венгрии, а в одном из цехов завода сельскохозяйственных машин, сооружаемого в городе Искендерия при содействии СССР, производится сборка тракторов чехословацкого образца.

Укрепление и расширение связей с социалистическими

ми государствами становится все более важным фактором прогресса экономики Ирака. В результате развития этого сотрудничества созданы прочные предпосылки для решения ключевых народнохозяйственных проблем и достижения экономической независимости страны.

Здесь понимают, что экономическое и техническое содействие социалистических стран значительно ускоряет индустриализацию Ирака, способствует появлению новых отраслей промышленности и предприятий, могущих выпускать продукцию не только для удовлетворения внутренних потребностей, но и на мировой рынок. Уже заключены соглашения с некоторыми странами о поставках им нефти и серы.

Последние несколько лет 1 октября в Ираке ежегодно открывается международная Багдадская ярмарка. В ней обычно принимают участие государства Арабского Востока, Азии и Европы. Я побывал на четырех ярмарках и получил тем самым возможность увидеть, как год от года менялась экспозиция в павильонах Ирака, отражая рост его промышленности. По-прежнему на стендах заметное место отводится продукции из фиников, но там же широко представлены образцы нефти и серы, электромоторы и трансформаторы, сельскохозяйственные машины, медикаменты и фармацевтические препараты, овощные и фруктовые консервы — все это выпускают заводы и фабрики, построенные с помощью Советского Союза и других социалистических стран.

Среди посетителей Багдадских ярмарок вряд ли есть хоть один человек, который не побывал бы в павильоне СССР. Иракцы и гости с любопытством рассматривают экспонаты, демонстрирующие достижения в области завоевания космоса, подолгу останавливаются перед макетами нефтедобывающего промысла. Теперь такое же точно оборудование имеется на первом национальном нефтепромысле в Северной Румейле. Внимание привлекает новая «Волга»; старая модель этой автомашины, а также «Москвичи» и советские грузовики завоевали здесь добрую славу — их много на дорогах страны. (В 1972 году Ирак получил тысячу новых «Волг».) Интерес вызывают образцы различных станков и товаров широкого потребления. На открытых площадках крестьяне-феллахи дотошно «изучают» нашу сельскохозяйственную технику — она все чаще появляется на полях Ирака.

В советском павильоне
на международной Багдадской ярмарке

Всегда пользуются большим спросом труды В. И. Ленина на арабском, русском и английском языках, продающиеся в дни работы ярмарки в киосках «Международной книги». По вечерам посетителям советского павильона показывают кинофильмы о жизни и труде народов СССР.

«Ваш павильон — живое свидетельство того, чего может добиться человек новой эпохи», «Советская промышленность — гордость всего мира», «Советский павильон — лучший на ярмарке», «Да здравствует наша дружба и сотрудничество с Советским Союзом!» — таковы типичные записи в книге отзывов. По словам одного из генеральных директоров нашего павильона, В. М. Лепешкина, «участие Советского Союза в ярмарках в Багдаде призвано содействовать дальнейшему ук-

реплению дружбы и сотрудничества между СССР и Иракской Республикой, расширению торговых, экономических и культурных связей с Ираком и другими странами — участниками ярмарки».

Президент Иракской Республики Ахмед Хасан Бакр, отвечая на мой вопрос на пресс-конференции в Багдаде, сказал, что сотрудничество Иракской Республики с социалистическими странами является необходимостью, продиктованной условиями современного этапа развития, и призвано обеспечить прогресс экономики страны и помочь ей противостоять проискам и давлению империализма.

— Мы надеемся, — подчеркнул президент, — что оно и впредь будет развиваться в самых широких масштабах.

В этих словах президента Иракской Республики заключено признание огромной роли социалистических стран в деле подъема национальной экономики Ирака и важности дальнейшего укрепления сотрудничества с ними.

НЕФТЬ ИРАКА — ИРАКЦАМ

1 июня 1972 года весь Ирак не отходил от радиоприемников и телевизоров. В тот день истекал срок ультиматума, который правительство предъявило «Ирак петролеум компани», представлявшей интересы английских, американских, голландских и французских нефтяных монополий. Стало известно, что в президентский дворец на чрезвычайное заседание вызваны члены Совета революционного командования. Выступивший поздно вечером по радио и телевидению Ахмед Хасан Бакр сообщил, что Совет революционного командования принял закон о национализации собственности компании. Создание нефтепромысла в Северной Румейле, укрепление контактов с социалистическими странами, заключение Договора о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, подчеркнул президент, вызвали недовольство империалистов, сионистов и их пособников. Он отметил, что иностранные нефтяные монополии являются орудием колониализма и борьба против них — неперемнное условие упрочения национальной независимости.

Долго не могли заснуть иракцы в ту ночь. На площадях и улицах столицы и других городов стихийно возникали митинги, незнакомые люди горячо поздравляли друг друга, над площадями звучали песни. Импровизированные оркестры разъезжали по улицам на автомобилях, оглашая их громкой музыкой.

Наутро жители Багдада в праздничных одеждах до отказа заполнили площадь ат-Тахрир, где состоялся массовый митинг, организованный совместно Баас, Иракской коммунистической партией и Демократической партией Курдистана. Представители этих партий, а также рабочих, крестьянских, студенческих и женских организаций единодушно поддержали правительственное постановление.

По запасам нефти Ирак входит в первую десятку го-

сударств, обладающих этим ценнейшим сырьем. Открытие здесь промышленных запасов в начале XX века резко обострило соперничество между Англией и Германией за обладание Двуречьем. Англия рассчитывала превратить этот район в топливную базу для своего быстрорастущего морского флота. О том же мечтала и Германия. Соперничеству положила конец первая мировая война. Еще до ее начала англичане высадили десант на юге Ирака (бывшего тогда провинцией Османской империи — союзницы Германии), а затем оккупировали его полностью, превратив в конце концов в свою колонию.

В 1925 году компания «Тэркиш петролеум», позже переименованная в «Ирак петролеум компани», навязала правительству Ирака соглашение сроком до 2000 года. По этому соглашению ей предоставлялось монопольное право на разведку и добычу нефти практически по всей территории страны. Упоминание Ирака в названии компании отнюдь не означало, что он выступает в качестве партнера, а указывало лишь на район деятельности ИПК. Основная часть акций — 95 процентов — была поделена равными долями между английской «Бритиш петролеум», англо-голландской «Ройял Датч-Шелл», французской «Компани франсэз де петроль» и американской корпорацией «Ниэр ист девелопмент», объединяющей ряд фирм. Остальные 5 процентов акций достались наследникам крупного нефтепромышленника Гульбенкяна, тесно связанного с «Ройял Датч-Шелл».

Затем филиалы ИПК — «Мосул петролеум компани» и «Басра петролеум компани» — также получили обширные концессии на долгий срок.

На предоставленных компании концессиях только она пользовалась монопольным правом на разведку и добычу нефти. Подобная привилегия позволила западным промышленникам эксплуатировать самые богатые участки, оставляя менее выгодные в загоне. Правительство Ирака не могло претендовать и на них, поскольку они находились в районе концессий.

ИПК располагала собственной железной дорогой и аэродромом и крепко держалась за свои права и привилегии.

Стремление сохранить свое монопольное положение объяснялось просто. Нефтяные месторождения Ирака характеризуются относительным поверхностным залеган-

нием, средняя глубина скважин составляет около 800 метров, высокое внутрипластовое давление дает возможность обходиться без обводнения скважин и без откачки нефти: она поступает наверх самотеком. Для того чтобы добыть баррель нефти (баррель — 159 литров) в США надо вложить в среднем 3155 долларов, а в Ираке — около 70. Себестоимость барреля нефти в первом случае равна приблизительно 173 центам, во втором — 4 центам. Низкая себестоимость в сочетании с дешевой рабочей силой приносила ИПК огромные барыши. Статистики подсчитали количество добытой в Ираке нефти за месяцы, годы и десятилетия. Точные же суммы прибыли «Ирак петролеум компани», наживавшейся на ее продаже, и по сей день хранятся в глубокой тайне.

В районе Киркука до 1 июня 1972 года почти на каждом шагу можно было встретить незамысловатые сооружения, огороженные колючей проволокой, — торчащую прямо из песка невысокую (не выше человеческого роста) и окрашенную светлой краской трубу. К ней подведен трубопровод, перекрываемый в случае необходимости вентилем. Рядом табличка «IPC».

Эти сооружения, которые на техническом языке обозначаются как «оборудованные нефтяные скважины», давали компании сотни миллионов стерлингов в год. До 50-х годов она на каждой тонне добытой и проданной нефти получала более 4 фунтов чистой прибыли, выплачивая за ту же тонну иракскому правительству всего лишь 4 шиллинга.

Когда Ирак потребовал увеличения своей доли, иностранные промышленники согласились выплачивать начиная с февраля 1952 года 50 процентов прибыли, но только от экспорта сырой нефти. Суммы от продажи за пределами страны переработанной нефти по-прежнему поступали только в сейфы ИПК.

После свержения феодально-монархического строя и провозглашения 14 июля 1958 года республики были приняты меры по ограничению деятельности иностранных компаний в стране и защите интересов иракского народа. В 1961 году был принят Закон № 80 об изъятии у западных монополий всех не эксплуатируемых ими участков концессий. Таким образом, правительство Ирака восстановило свой контроль над 99,5 процента концессионных территорий.

Это решение явилось первым шагом на пути создания собственной нефтедобывающей промышленности. В дальнейшем были утверждены законы об образовании государственной Иракской национальной нефтяной компании (ИННК) и о передаче ей всех прав на добычу нефти в районах, изъятых из-под контроля иностранных компаний.

В апреле 1969 года правительство приняло постановление об эксплуатации непосредственно силами ИННК богатейшего месторождения в Северной Румейле. Разработанная ИННК программа работ предусматривала сооружение буровых скважин, емкостей для хранения нефти, дорог, различных производственных объектов, строительство нефтепровода протяженностью 142 километра — от нефтепромысла до морского порта Фао на Персидском заливе — и расширение этого порта.

Однако для практического осуществления столь обширной программы у молодой компании не было ни необходимого оборудования, ни опыта, ни квалифицированных кадров. Естественно, что Ирак не мог рассчитывать на помощь западных держав. Эта помощь была оказана дружественным Советским Союзом.

В июле того же года в Москве было заключено соглашение об экономическом и техническом содействии СССР Иракской Республике в развитии государственной национальной нефтедобывающей промышленности посредством выполнения разведочных, проектно-изыскательских работ, поставки оборудования и материалов, командирования советских специалистов и организации добычи нефти.

«Пусть крепнет иракско-советская дружба и расширяется плодотворное сотрудничество между Багдадом и Москвой!», «Народ Ирака никогда не забудет помощи дружественного Советского Союза!» — такими заголовками иракская печать откликнулась на подписание соглашения от 4 июля 1969 года.

Через несколько дней после возвращения делегации из Москвы в районе Северной Румейлы состоялся митинг. Жаркий ветер пустыни развеивал государственные флаги СССР и Иракской Республики, бросал пригоршни колючего песка в лица участников митинга, среди которых были министры иракского правительства, ответственные сотрудники и инженеры ИННК, представители

общественных организаций и посольства СССР в стране. Под громкие аплодисменты присутствующих был открыт монумент в честь советско-иракской дружбы, воздвигнутый на месте будущих нефтепромыслов. Тогда этот монумент был единственным сооружением среди рыжих песков...

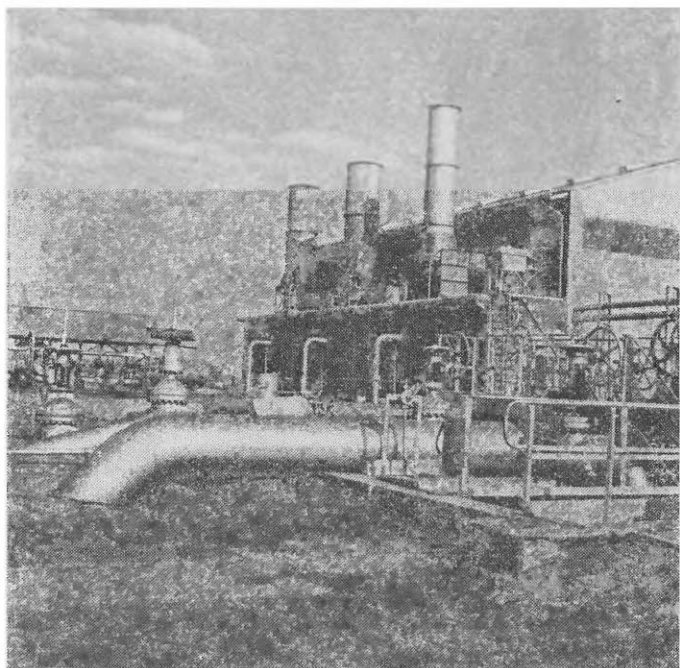
Спустя некоторое время к причалам порта Басра начали прибывать советские суда. Они доставляли все новые и новые грузы — оборудование и машины для ведения геологопоисковых, геофизических, сейсмических и буровых работ, материалы для создания емкостей, нефтепровода и дорог.

На обучение и практику в СССР уехала группа иракцев (сейчас они уже трудятся в национальной нефтедобывающей промышленности), остальные приобретали навыки непосредственно на строительстве нефтепромысла, нефтепровода Северная Румейла — Фао, в полевых партиях, осуществлявших разведку в Южном Ираке. Они учились, работая бок о бок с советскими нефтяниками, имевшими за плечами богатейший опыт работы в Азербайджане и Татарии, Сибири и Башкирии.

Было нелегко: раскаленные на слепящем солнце амура и инструменты жгли руки даже сквозь толстые рукавицы, неимоверно жарко было под брезентом комбинезонов, воду привозили издалека. Спасительная тень в пустыне отсутствует. Когда новичок задавал вопрос: «Сколько сегодня градусов?» — ему обычно отвечали: «Немного за 50° в тени». Когда же он, недоуменно оглядываясь, спрашивал: «А где же тень?» — ему шутливо поясняли: «Под трактором». Временами поднималась песчаная буря — «хамсин». Однако наши специалисты и в этих условиях не теряли чувства юмора. На переоборудованном под буфет вагончике в городке, где жили советские инженеры и техники, красовалась вывеска «Ресторан Хамсин», на вагончике-лавке было тщательно выведено «Магазин Березка».

В Северной Румейле мне довелось встретиться и побеседовать с министром по делам нефти и минеральных ресурсов Ирака доктором Саадунем Хаммади. Комментируя первые результаты сотрудничества СССР и Ирака в области добычи нефти, министр сказал, что оно развивается весьма успешно.

— Я искренне убежден, — продолжал он, — что обе

Нефтепромыслы в Киркуке,
ранее принадлежавшие ИПК

стороны стремятся развивать его и в будущем. Советский Союз располагает для этого техническими возможностями и проявляет добрую волю. Ведь СССР проводит политику укрепления экономической независимости развивающихся стран, что само по себе способствует укреплению всех прогрессивных сил мира.

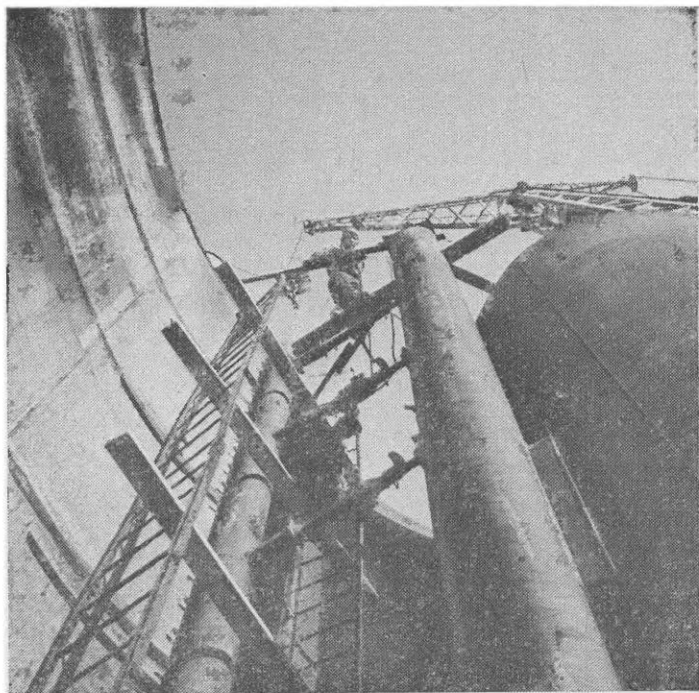
— Советский Союз доказал свое намерение содействовать упрочению экономической самостоятельности Ирака: подписанное 4 июля 1969 года соглашение — важная веха на этом пути. Мы высоко оцениваем вклад вашего государства в создание национальной нефтедобывающей промышленности Ирака. Это усилит позиции иракского народа и поможет противостоять проискам иностранных нефтяных компаний и международного империализма в данном районе Ближнего Востока.

— Со стороны советских официальных лиц и всех сотрудников, — сказал в заключение министр, — я всегда встречал понимание и желание сотрудничать с нами. Мы питаем полное доверие к СССР. Наши отношения с ним строятся не только на коммерческой основе, но и на основе глубокой дружбы, и мы очень дорожим этими отношениями.

Монумент в честь советско-иракской дружбы — уже не единственное сооружение в пустыне. С 15-метровой высоты резервуара, вмещающего 10 000 кубических метров, хорошо просматривается вся панорама нефтяного промысла в Северной Румейле — ажурные конструкции буровых вышек, разветвленная сеть труб, соединяющих скважины с емкостями для хранения нефти, блоками сепарации и насосной станцией, вспомогательные строения, подъездные пути и начало нефтепровода, уходящего в порт Фао на реке Шатт-эль-Араб, в 30 километрах от ее впадения в Персидский залив. Монтажом резервуаров здесь руководил Р. Ш. Садыков, выпускник Московского института нефти, много строивший в Средней Азии.

Массивные трубы нефтепровода, диаметром 720 миллиметров, сваренные прочными швами, пролегли по пескам и болотам, прошли под ирригационными каналами и полотном железной дороги. По окончании сварки мощные тракторы-трубоукладчики осторожно поднимали изгибающееся над поверхностью земли многотонное «тело», специальная машина стальными щетками до блеска зачищала его внешнюю поверхность, еще одна машина туго пеленала трубу влагонепроницаемой пленкой, и только потом ее укладывали в траншею. Водители всех четырех агрегатов действовали размеренно, в строго определенном темпе, максимально четко и синхронно. Одним из агрегатов управлял Герой Социалистического Труда В. П. Цветков, заслуживший это почетное звание на строительстве газопровода Средняя Азия — Центр.

Уже за несколько километров до Фао видны восемь огромных резервуаров емкостью 20 000 кубических метров и с «плавающей крышей». Такая крыша, перемещаясь по вертикали в зависимости от уровня нефти, значительно снижает потери в результате ее испарения, что особенно важно в жарком климате юга Ирака. Стены резервуаров состоят из четырех секций, доставлявшихся сюда

Монтаж резервуаров в порту Фао

в виде свернутых рулонов, каждый из которых весил более 40 тонн. Развернутые секции должны были быть состыкованы с точностью до миллиметра.

«Точность и прочность» — под этим лозунгом советские и иракские специалисты строили промысел в Северной Румейле, первенец национальной нефтедобывающей промышленности страны. Пуск его в эксплуатацию 7 апреля 1972 года торжественно отмечала вся республика. Исключительно тепло и радушно встречали иракцы прибывшую для участия в торжествах советскую партийно-правительственную делегацию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. Сотни тысяч жителей столицы вышли на улицы Багдада с цветами и транспарантами с лозунгами на арабском и русском языках в честь советских гостей, в честь советско-иракской дружбы.

Окончание строительства промысла в Северной Румейле, первая очередь которого будет давать 5 миллионов тонн нефти в год, а вторая рассчитана на ежегодную добычу 18 миллионов тонн «черного золота», явилось событием большого исторического значения. Иракская Республика, чьи нефтяные ресурсы десятилетиями расхищались иностранными монополиями, заложила при содействии Советского Союза прочную основу собственной добывающей промышленности. Благородная и бескорыстная помощь СССР нашла горячий отклик в сердцах народа. Именно об этом говорил на митинге по случаю открытия нефтепромысла президент Иракской национальной нефтяной компании Адиан Кассаб, вручивший затем А. И. Косыгину памятную медаль.

Упорный труд и активное сотрудничество Ирака и Советского Союза, подчеркнул в своей речи заместитель председателя Совета революционного командования Саддам Хусейн, позволили решить задачу огромной важности. Этот успех — залог прочной дружбы между двумя странами. Благодаря этому сотрудничеству, подчеркнул Саддам Хусейн, Ираку удалось разорвать цепи, которыми его сковали иностранные монополии.

Бурными и продолжительными аплодисментами было встречено выступление А. Н. Косыгина. Советский народ питает чувства глубокой симпатии и дружбы к народам Ирака, сказал глава партийно-правительственной делегации СССР. Общность наших целей в борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма, за свободу и прогресс способствует дальнейшему расширению советско-иракских отношений по государственным и общественным линиям. Советский Союз полностью поддерживает арабские государства, борющиеся за то, чтобы их национальные богатства, прежде всего нефть, принадлежали подлинным хозяевам — народам этих стран.

Большой группе советских специалистов на митинге были вручены памятные медали, а генеральному директору советской строительной организации в Северной Румейле А. С. Барсукову — Орден Двуречья (Рафидейн).

Иракские руководители понимали, что национализация собственности ИПК явится сильнейшим ударом по интересам иностранных нефтяных монополий и еще одним шагом на пути создания независимой национальной

экономики. Ведь ИПК, площадь концессии которой достигала 747 квадратных километров, добыла в 1971 году 50,8 миллиона тонн нефти. Общая добыча ИПК, «Басра петролеум» и «Мосул петролеум» составила в том же году более 80 миллионов тонн.

Вместе с тем иракский народ осознавал, что ему предстоит упорная борьба, которая, как говорилось в заявлении, опубликованном Иракской коммунистической партией, будет ожесточенной, ибо монополии не оставят Ирак в покое после принятого им решения и попытаются внести раскол в ряды патриотов. Коммунисты призвали в те дни к сплочению всех национальных сил, борющихся против империализма, реакции и сионизма.

В середине января 1972 года в Багдаде начались переговоры с «Ирак петролеум компани». Иракская делегация предъявила компании ряд справедливых требований, в том числе предоставления 20 процентов участия в концессиях, выплаты задолженностей, права контроля над финансовой деятельностью ИПК, а также установления гарантированного объема добычи нефти компанией. По словам главы делегации, министра иностранных дел Муртады Абдель Баки, ответ компании свидетельствовал о намерении продолжать прежнюю политику. Более того, в марте — апреле и начале мая 1972 года ИПК значительно снизила добычу нефти и сократила выплату поступлений иракскому правительству, в результате чего страна только за этот период потеряла около 33 миллионов фунтов стерлингов. Компания игнорировала ультиматум, предъявленный ей 17 мая 1972 года.

Официальные Лондон и Вашингтон не замедлили выразить свое недовольство в связи с национализацией собственности ИПК, упрекнув Ирак в нарушении международных правовых норм. Правительство Англии, в частности, предъявило претензии по поводу того, что с ним предварительно не проконсультировались. Представители ИПК, в свою очередь, попытались свалить на Ирак вину за срыв переговоров и даже пригрозили санкциями государствам, изъявившим желание закупать нефть, добываемую на национализированных промыслах.

Ирак на эти угрозы ответил спокойно и твердо. Было сказано, что национализация предпринята в целях охраны природных богатств страны и укрепления ее политической независимости. Правительство в свое время

приложило немало усилий для достижения взаимоприемлемого соглашения с ИПК. Компании за национализированное имущество будет выплачена соответствующая компенсация за вычетом ее долгов Ираку.

В то время как империалистические монополии грозили Ираку бойкотом и блокадой, Советский Союз, социалистические страны предприняли действенные и эффективные шаги по оказанию помощи республике. Первая партия иракской нефти, добытой на промыслах бывшей ИПК, была отгружена в порту Банияс на танкеры Советского Союза, Болгарии, ГДР — конкретное проявление солидарности социалистических стран с иракским народом в его борьбе против происков империализма и западных нефтяных монополий.

Спустя две недели после национализации собственности «Ирак петролеум компани» я побывал на принадлежавших ей ранее нефтепромыслах в районе Киркука. Несколько лет до того мне пришлось быть свидетелем, как охрана ИПК бесцеремонно обыскивала прибывших на промыслы иракских должностных лиц.

С тех пор здесь многое изменилось. Над воротами, на которых свежей краской выведено «Иракская компания по нефтяным операциям», реял государственный флаг республики. Вход на территорию охранялся уже солдатами иракской армии. Как и прежде, сюда по трубам стекалась нефть из многочисленных скважин, проходила через сложную систему очистки и перекачивалась затем по нефтепроводам в ливанский порт Триполи, в сирийский порт Банияс на Средиземном море и в Багдад для внутреннего потребления. Но теперь ее добыча, очистка, транспортировка и сбыт находятся в руках самих иракцев. Территория, ранее захваченная западной монополией, опять стала достоянием народа, а ее собственность и функции перешли к образованной на основании закона от 1 июня 1972 года государственной Иракской компании по нефтяным операциям.

Исполняющий обязанности генерального директора новой компании Ганим Абдель Джалиль рассказывал:

— Благоприятные производственные условия получения нефти и низкая оплата местного персонала принесли ИПК огромные прибыли (по самым скромным подсчетам, в среднем около 200 процентов). К тому же компания, особенно в последние годы, практически не вкла-

дывала средств в капитальное строительство, эксплуатируя имеющееся оборудование «на износ».

— За время своего существования она добыла приблизительно 800 миллионов тонн нефти. В последние месяцы ИПК сознательно сократила добычу почти в 2 раза, что нанесло большой ущерб нашей экономике. Политика саботажа и послужила одной из причин национализации. Сейчас молодая иракская компания принимает меры для повышения добычи нефти. С этой целью, например, мы уже приступили к проходке новой скважины.

— У нас есть все возможности, — подчеркнул Джалиль, — чтобы в этом году получить 57 миллионов тонн нефти. Еще в 1971 году ИПК добыла 50,8 миллиона, а работа на нефтепромыслах компании после ее национализации не прекращалась ни на один день. Не повлиял на ход работы и отъезд иностранных специалистов, даже напротив: их присутствие только связывало нам руки. Сейчас иракские инженеры, техники и рабочие трудятся с большим подъемом, сознавая, что теперь они работают не на иностранную компанию, а на свою страну, на самих себя.

В гостинице, принадлежавшей ИПК, мне попалась на глаза книга регистрации. Страницы ее сплошь заполнены именами дельцов явно западного происхождения, приезжавших сюда из США, Голландии, из штаб-квартиры ИПК в Лондоне и ее филиалов в Сирии и Ливане (арабские имена в ней отсутствовали). Пустынно было на покрытых зеленой травой площадках для игры в гольф. На старейшей скважине промысла, где 14 октября 1927 года была добыта первая нефть, табличка с надписью «Ирак петролеум компани» заменена новой — «Иракская компания по нефтяным операциям». Однако эмблема ИПК еще виднелась на резервуарах для хранения нефти, на вагонах железной дороги, на уютных коттеджах, где жили представители администрации компании, напоминая о днях безраздельного хозяйничанья «Ирак петролеум компани».

Спустя ровно девять месяцев — 1 марта 1973 года — Ахмед Хасан Бакр снова выступил по радио и телевидению. На этот раз он объявил о подписании соглашения, по которому иностранные нефтяные монополии — партнеры по ИПК полностью отказались от своих претензий

к Ираку и изъявили готовность принять условия его правительства. Они признали национализацию киркукских нефтепромыслов и обязались выплатить Ираку 171 миллион фунтов стерлингов в порядке погашения прежних долгов. Ирак в виде компенсации предоставит компании 15 миллионов тонн нефти, которая будет отгружена через средиземноморские порты. Промыслы в районе Мосула возвращаются законному владельцу без всякой компенсации. Предполагается увеличить добычу и довести ее к 1976 году до 80 миллионов тонн в год на нефтепромыслах Басры, принадлежащих «Басра петролеум компани». Успешному завершению национализации собственности «Ирак петролеум компани», отметил президент, в решающей мере содействовали консолидация национальных сил и мобилизация всех экономических ресурсов страны. Эта победа в значительной степени есть результат бескорыстного сотрудничества и всесторонней помощи социалистических стран, прежде всего Советского Союза. За истекшие девять месяцев, продолжал Бакр, удалось прорвать блокаду западных держав в области сбыта иракской нефти. За этот период были подписаны соглашения о поставках иракской нефти СССР, другим социалистическим странам, а также ряду развивающихся и капиталистических государств.

И опять, как и в июне 1972 года, это заявление вызвало всенародное ликование. В Багдаде и многих городах республики состоялись манифестации и митинги.

В 1975 году Ирак рассчитывает довести добычу нефти до 140 миллионов тонн, а в 1982 году — до 240 миллионов. Большую роль в осуществлении этих задач должны сыграть нефтепромыслы Северной Румейлы. Строительство второй очереди промыслов идет сейчас полным ходом.

Так завершилась борьба за национализацию собственности «Ирак петролеум компани», борьба, обрубившая щупальца, которыми, как казалось иностранным нефтяным монополиям, они крепко и навсегда держат иракскую нефть — основное богатство страны.

СОДЕРЖАНИЕ

Старый и новый Багдад	3
На руинах Двуречья	21
У озерных арабов и в краю фиников .	47
В Иракском Курдистане	60
Культурная жизнь Ирака .	74
Плоды сотрудничества .	92
Нефть Ирака — иракцам . .	106

Цена 21 коп.

